Рос 4-4/1-857

КАЗАКИЯ

Центральный Государственный
архив Октябрьской революции
и соц. строительства СССР
ф. № 7030 оп. № 3 д. № 2147

10 (16)

1936

СОДЕРЖАНИЕ:

1. С. БАЛЫКОВ: ОБ ОБЩЕЙ ОПАСНОСТИ

ОТДЕЛ НАУЧНЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ

2. Др. С. А. ФЕДОРОВ: Казачья нация (Народ ли Казачество).
3. Инж. В. Г. ГЛАЗКОВ: Чехослов. нац. пресса об оборонч. компании.
4. Ш. Н. БАЛИНОВ: Казачье национ.-освободит. движение.
5. А. И. БОЯРИНОВ: К вопр. о роли войск. старш. в социально-политических отношениях на Дону.

ОТДЕЛ ИСТОРИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

6. А. Н. ТРОФИМОВ: Степан Тимофеевич Разин (продолжение).
7. † Проф. Ф. А. Щербина: Пережитое, передуман. и осуществл. (продолжение).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ

8. А. БОЯРИНОВ: Серпиешкины Дни (I).
9. Н. КЕЛИН: Стихотворение.

ЖИЗНЬ КАЗАЧЕСТВА ЗА РУБЕЖОМ

10. П. С. КОВГАН: Как в Манджурии сажают казаков на землю.
11. В. Т. ЕРЕМЕЕВ: Скорбные мысли и вопросы.
12. ДОНЕЦ: Из жизни вк. станицы в Южине (Франция).

ОТКЛИКИ

13. И. И. БЕЗУГЛОВ: Фактами против тенденций.
14. Е. М. ПЕРФИЛЬЕВ: Дела и люди биловского округа в Югославии.
15. С. Б. БАЛЫКОВ. По содержанию статьи белградских биловцев.
16. Я. И. ЛОПУХ: „Самостийные шайки".
17. П. Н. КУДИНОВ: Открытое письмо И. А. Билому.
18. Г. и Д. ЕРЕМЕНКО: Поправка к истории.

ХРОНИКА

Журнал „Казакию" можно получать:

1. В Париже у Балинова: 7, Rue Chemin-Creux. Joinville le Pont (Seine)
2. В Берлине у Овсяника: Konigien Elisabettisstr. 41. Berlin Charlottenburg.
3. В Праге у д-ра Федорова: Jaromirova, 456. Praha — Nusle-Udoli.
4. В Братиславе у Балыкова: Ruzova dolina, c. 199.
5. В Брно у инж. Запорожца: Krkoskova, 29. Brno — Husovice.
6. В Польше у инж. Тулаева: Wilno, Pielkielko, 7 m 1.
7. В Белграде у Е. Перфильева: Донска ул. 3 бр. 1.
8. В Лионе у Хорунженко: 82, av. Sidoine Apollinaire. Maisôn O. Lion (Vaise)
9. Казаки из всех других стран могут выписывать прямо из издательства и склада: София. ул. Царь Симеон, 5. П. Н. Кудиновъ.

ОТ РЕДАКЦИИ К СВЕДЕНИЮ СОТРУДНИКОВ:

1. Ненапечатанные рукописи возвращаются только при условии оплаты автором стоимости обратной пересылки.
2. За напечатанные материалы гонорар не платится.
3. Просьба — присылать аккуратные материалы.
4. Все материалы присылать по адресу: С. Балыков. Ruzova dolina, 199. Bratislava—Tchecoslovaquie.

Подписную плату за журнал, как и случайные выручки за отдельные номера его, нужно посылать ред. Балыкову. Из тех стран, откуда нельзя посылать деньги, расчет производить купонами международного почтового союза. Так как эти поступления являются единственным видом вознаграждения нашего редактора за его труд, то просьба ко всем — быть аккуратными в расчетах.

Адрес: Balykov, Ruzova, dolina 199. Bratislava. Tchecoslovaquie.

Центр. Правл.

Печатница „Добриновъ" София, бул. Дондуковъ № 43, телеф. 2-50-88

Рос 4-4
1-857

КАЗАКИЯ-КОЗАКІЯ-KOSAKIA

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

под редакцией: С. БАЛЫКОВА, Г. ЕРЕМЕНКО и Ф. ОБОЛЕНСКОГО

№ 10 (16) Октябрь 1936 года. Болгария. София, Царь Симеон, 5 № 10 (16)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ІЗ ОТДЕЛ ИМЕНИ ЛЕНИНА
67-342

ОБ ОБЩЕЙ ОПАСНОСТИ

Внимательное наблюдение за ходом и направлением главных мировых политических событий и общественных сдвигов современности, все с большей несомненностью убеждает нас в том, что национализм, организующий и об'единяющий лучшие элементы каждого народа и коммунизм, об'единяющий подонки обществ на почве низменных побуждений, с прогрессирующей быстротой приближаются к решительному столкновению в борьбе за руководство жизнью народов.

Обе идеи, если не формально, то фактически, имеют свои руководящие центры, пункты моральной опоры, которые, открыто или скрыто, активно реагируют на все случаи местных столкновений этих двух государственных идей.

Прошло то время, когда борьба между коммунизмом и национализмом, среди того или иного народа, общественностью соседних народов воспринималась, как внутреннее дело этого народа, которое не допускает вмешательства внешних факторов.

Испанские события принесли коренное изменение этому ошибочному отношению. В данное время, вокруг испанских событий, отчетливо обозначился международный характер происходящей борьбы двух начал и явное деление всего мира на два враждебных лагеря.

Борьба эта еще не доразвилась до своего кульминационного пункта в мировом масштабе, но уже прочно заняты исходные позиции, идут стычки передовых сил, в обоих лагерях протекает интенсивная подготовка к тому, что принято называть „последним и решительным боем".

И вот, в процессе этой подготовки сторон, перед нами — интересная картина, как в горячке работы, то одна, то другая сторона упускает благоприятный момент и состязание в подготовке продолжается дальше, вызывая все большее и большее материальное напряжение.

Было, например, время, когда коммунистический штаб с гораздо большими шансами на успех, мог двинуть свои силы на бессильный тогда Запад, если бы он не увяз, так надолго, в борбе с освободившимися народами б. России, как, например, с Казачеством. Большевикам тогда казалось, что время работает в их пользу и что „гнилая Европа" зрелым плодом сама упадет к их ногам. Но время обмануло их: антибольшевицкий мир не гниет, а прозревает — почувствовав надвигающуюся коммунистическую опасность — организуется, укрепляется и грозит коммунизму печальными перспективами.

Также, было время, когда общекоммунистический очаг (СССР) мог быть легко потушен той или иной националистической силой. Но домашние дела, желание лучше подготовиться, выбрать лучшую политическую обстановку, желание вернее ударить с меньшей затратой сил и с большим результатом — в силу той же веры в полезную работу времени — удерживало и эту сторону от решительных действий. Это спасло коммунизм от разгрома его в самом зародыше и дало ему возможность лучше организоваться и укрепиться.

В данное время, события идут под знаком всяческого увиливания коммунистического центра от решительного столкновения. Вся политика красной Москвы проходит в неприкрытом страхе перед возможностью внешней войны.

Этот страх врага, который еще недавно грозил „мировым пожаром", как бы, успокоил националистический фронт. Похоже, что антикоммунистические державы, довольствуясь сегодняшним мирным настроением врага, готовы заняться другими делами, пользуясь временной отсрочкой главной неизбежной борьбы.

Правда, эта отсрочка дает возможность националистическому фронту получше подготовиться, но кажется, что они упускают из виду один факт: это то, что „палка о двух концах". Если сегодняшнее „мирное" поведение коммунистического штаба дает возможность более лучшей подготовки своих сил фронту антикоммунистическому, то этот же, мирно прошедший год, дает возможность лучшей организации сил и средств и для коммунистического лагеря.

Если в военном деле имеет большое значение подготовка собственных сил, то не меньшее значение имеет и неподготовленность врага. Ведь не нужно забывать, что в безраздельном и беспощадном распоряжении коммунистического центра находится 160 миллионов людей и материальные рессурсы государства, с богатейшей территорией, в одну шестую часть суши на земном шаре. Какую грозную силу можно организовать там при умелой постановке дела!..

И действительно — все видевшие и наблюдавшие специалисты в один голос утверждают, что Красная армия (кадровая армия международного коммунизма!) многочисленна, обильно снабжена, хорошо организована и прекрасно вооружена по последнему слову военной техники. Единственым слабым местом (да и то предполагаемым!) представляется дух армии и народа.

Но мы видим, как переходчив дух человеческого коллектива. Было время, когда дух Итальянской армии у многих вызывал пренебрежение. Ныне мы видим, как высоко поднял этот-же дух Муссолини за полутора десятка лет умелого воспитания

Кто может поручиться за то, что Сталину не удастся воспитать и свою коммунистическую армию, предварительно сытно накормив ее, хорошо одев, вооружив и в головы вождей вдолбив популярную идею?.. Прибавить еще нужно к этому и всюду существующие московские очаги, ввиде местных компартий, где вокруг захватывающей их „идеи" грабежа богатых об'единились народные низы.

И с искренней тревогой в голосе, мы, националисты угнетенных народов, спрашиваем:

Не настанет ли скоро время, когда красная Москва от политики страха перед внешней войной перейдет к политике искания этой войны? . .

Не забывают ли политики антикоммунистического фронта держав мудрое изречение: „Есть время собирать камни и есть время бросать эти камни?" . .

Не придется ли потом национальным силам дороже расплачиваться за это промедление и не будетъ ли оно смерти подобно.

С. Балыков

Др. С. Федоров (ЧСР)

Казачья нация

(Народ ли Казачество?)

В прошлой главе мы разрешали вопрос о том: сословие ли Казачество? Имеет ли право Казачество определять себя как народ, в современном культурном понимании этого слова?

Прежде всего, необходимо абсолютно ясно представить себе значение этого термина во всей его научной полноте. На изменчивых понятиях, на туманных определениях строятся, иногда, туманные политические лозунги, формулы и программы, приводящие к неясности в социальных отношениях и благоприятствующие псевдо-патриотизму, шовинизму, ошибочному национальному эгоизму и к другим отрицательным явлениям общественной жизни.

Под понятием народ, необходимо представлять совокупность людей, которые создают форму общественной жизни и являются об'единеными по историческому, культурному и политическому моментам.

Этнографические и иные примитивные признаки являются лишь частичной принадлежностью этой жизни.

В примитивном отношении, по первоначальным признакам, Казачество выростает из общерусского корня (подобно Руси-Украине, Белоруссии) и в этом отношении, оно было неразрывной частью всего восточно-европейского славянского племени. Но никто не может отбрасывать того, что исторический процесс развития казачьего начала привнес в его жизнь более сложные определяющие признаки и мотивы, по которым Казачество можно квалифицировать как исторически сложившийся народ.

Никто не может отбрасывать, что из основных этих признаков, каждый из которых может определять народ, хотя бы один признак не был у Казачества, т. е. моменты: политический, культурный, исторический, частично и этнографический есть налицо.

Казачья культура, быт, нравы, одежда, искусство, поэзия, общественный и политический порядки жизни, выросли на основе общей древне-русской культуры и под ее влияниями, но казаки и российские крестьяне не одно и то же; они родственны по общим предкам, но различные люди с различными душами и этнографическими оттенками: сущности их различны. Это ведь, было признано за казаками и иными народами, освобождающимися от общероссийского ига в революцию 1917 г.

С'езд угнетенных народов, состоявшийся осенью в том же году в Киеве, признал Казачество „самостоятельной ветвью между народами Российской республики, создавшейся благодаря особым условиям исторической жизни и имеющей все условия для независимого существования". Очевидно, что тут только не достает точки над „i", согласно слову науки о нациологии.

Что же такое есть Казачество?

Мы приводим ниже определение умеренного казачьего литератора, не врага российского народа:

„Казачество есть народ, ясно выявленный в процессе своего исторического развития и в процессе этого развития, к настоящему времени, окончательно определившийся по тем культурным признакам, по которым определяются все современные циливлизованные народы, сложившиеся исторически. В этом отношении Казачество равноценно всем остальным народам, слагающим формы государственной жизни или входящим в состав одной нации, единой семьи народов и племен, национального государства".

Особые условия развития Казачества и привнесенные культурные признаки определили Казачество, как самодовлеющий народ, который имеет в наше время примитивное сходство с остальными русско-славянскими племенами — великороссов, белоруссов, украинцев, определяющиеся первобытными признаками.

„Для будущей России—говорит он—вопрос казачьего существования не будет вопросом сословным, а станет на уровень вопроса „национального меньшинства", ибо хотя казачество и есть часть русской нации, но, как народ, исторически сложившийся, равноценен всем народам, составлявшим Россию".

Мы можем констатировать, что взгляд на Казачество, как на народ, сформулировался и постепено закрепился среди просвещенных кругов казачьей интеллигенции, независимо от их партийных убеждений и политическо-национальных симпатий, не говоря уже про стихийное выявление своей народной отделенности казачьей массой.

Даже такой человек, как б. Донской Атаман ген. Краснов, в привязанности которого к монархии и России, никто не может сомневаться, в своем письме к Гетману Украины от 4/V 1918 г. пишет:

„Войско волнуется. Оно далеко неспокойно. Занятие малороссами издревле Войсковых земель: части Донецкого, Черкасского, Таганрогского и Сальского округов, присутствие в Войске германских войск, естественно, волнует казаков и возбуждает среди них недовольствие действиями Малороссии. Скрытое теперь недовольство, может вылиться, впо-

следствии, в открытую вражду, что было бы нежелательно.

. . . лишение Войска лучших его городов привело бы его на степень небольшого земледельческо-скотоводческого народа, с чем национальное чувство казаков никогда не помирится".

Выше, мы несколько раз упоминали о том, что „великороссы" — донцы (по ходячему русскому, да и иных, представлению) отбрасывают от себя название „русских", ниже, мы приведем, для иллюстрации, пару примеров.

„Весной 1910 года, я впервые приехал на Дон— пишет один из российских писателей и ученых—и впервые встретился лицом к лицу с настоящим казачеством. Меня буквально поразила, на первых порах, та отчужденность, которая чувствовалась во всех мелочах жизни, та резкая грань, которую казаки, а, в особенности, казачки, проводили между Россией и Доном. „Вы — русские, мы — казаки". Как будто бы казаки не русские? Будто бы казаки есть иная нация или, в лучшем случае, инородцы? Нельзя же было говорить, даже и думать в 1910 г. о какой-то самостойности! А между тем эта отчужденнось сказывалась на каждом шагу: ищете вы квартиру, нашли вполне подходящую и вот! — „мы русским не сдаем"! А в то же время никакой враждебности вообще не было . . ."

Тут мы имеет такое свидетелство, о котором было бы неудивительно услышать если бы это случилось где нибудь в Польше, а не на Дону, да еще в главном его городе, ибо общеизвестно, что жители каз. города были наиболее обруселыми.

Наконец—и классическое произведение советских времен — „Тихий Дон", Шолохова, не говорит ли нам тоже самое? Как же все это вяжется с определением Донцов как „великороссиян"?

Тоже самое явление было наблюдаемо везде на казачьих землях и более всего на Кубани, где население еще далее отстояло от российского люда, которому и поселение-то на Кубани было разрешено только лишь в 1864 г., там неказак был едва только терпимым человеком, обобщенно говоря — „ничто".

Характерным дополнением может быть действительность революционного временни Енисейского Войска. Малое казачье Войско возобновленное именно в революционное время, с населением всего лишь в 15,000 душ, разбросанное между сравнительно многочисленным русским обывательством на протяжении 2,500 верст, жило от Енисейской губы у Ледовитого Океана до Урянхайского края Монгольской границы. Более трехсот лет оторванное от общеказачьего корня, прослоенное позднейшими русскими „приходьками" оно, однако, не потеряло казачьего духа. В 1871 г. ему был нанесен страшный удар — полки, уничтожены, а казачьи станицы подчинены губернской гражданской власти.

Однако, со взрывом российской революции, оно восстанавливает свою исконне-казачью власть, избирает Войскового Атамана и Правительство, во главе которого становится не высокая какая-нибудь особа, а обыкновенный урядник, который, тем не менее, упорно обороняет Войско от нападений российских революционных правительств и партий, всегда твердо отстаивая казачью самобытность.

„Зачем вам оставаться казаками, теперь нет сословий, все одинаковые граждане" — убеждал енисейцев местный Совдеп, а казаки, не желая подчиняться настояниям о расказачивании, предпочли с оружием в руках выступить против этого Совдепа и биться за свое казачье.

„Уже в 1918 г. мы чувствовали, что наше существование тесно связано с территориальным отделением, что мы не можем жить далее отдельными станицами разбросанными на протяжении 2500 верст от полярного круга до границ Китая, а потому в 1918 г. был выдвинут проект переселения Войска в Уряханйский край.

Наши станицы вкраплены в крестьянские поселения . . . в больших станицах, возле золотопромышленного района, где много безземельного рабочего люда, положение казаков стало трагическим, —пишет г. Окулич, позже командированный в почетную ссылку, как „Уполномоченный Всероссийского правительства по финансовым делам в С. Америке, Англии и Франции".

„И вот выдвигается другой проект, позднейший, принять в Войско хаккасов-инородцев, коневодов левобережного Енисея. Делегаты этого народа желали вступить в Войско, а последнее охотно шло им навстречу, ибо хаккасы хороший скромный народ, подобно нашим калмыкам, отличные наездники".

Не знаменательно ли и это явление? Зачем, казалось бы, полуторадесяткам тысяч казаков, которые без сомнения, оффициально входили в категорию „великороссов" да, к тому же, в течение полустолетия уже не имевшие настоящее казачье устройство не расказачиться и не стать обыкновенными российскими крестьянами?

Нет, все казачье население мобилизуется. Во время известного Калединского конфликта с правительством Керенского, это малое Войско, подобно всем остальным Войскам, обещает вооруженную поддержку старшему брату—Дону, против Российского Временного Правительства, а позже идет вооруженно биться против Советского правительства на 400 верстном фронте, с российскими переселенцами и мадьярско-австрийскими и немецкими пленными, заполнившими красноармейские части в Сибири. Енисейцы предпочитают покинуть столетиями насиженные станицы и идти куда-то в Урянхай и принимать в свой состав инородцев хаккасов, кочевой народ с которым сжились столетиями общей жизни, чем покориться своим единоверным и, казалось бы, единокровным „братьям" соплеменникам-россиянам?

Точно так же и Астраханское казачье Войско усилило себя монголами-Калмыками, а не своими „собратьями великороссами" и точно так же, полстолетия перед тем, разбежалось казачество из одинадцати станиц Черноморского побережья, обращенных российским правительством в поселения, а их обывателей в крестьян.

„Ты Рассея, ты Рассея,
Ты рассейска сторона
Много горя, много нужды
Казакам ты принесла"...

поется в старой донской песне, как будто бы фиксируя отношение всего Казачества к российскому народу. И это то отношение вековой исторической жизни и укрепило осознание Казачеством себя самодовлеющим народом.

Инж. В. Г. Глазков (ЧСР)

Чехословацкая националистическая пресса об оборонческой кампании.

В одном из номеров чешской газеты „Оборона Народа" была напечатана статья, которую, ввиду ее чрезвычайной интересности, приводим целиком:

„Мы, — непримиримые противники большевизма в какой угодно форме и под какой угодно маской, верим, что пока свет не восстанет для уничтожения источника силы этого красного чумного очага, все разлагающего и все уничтожающего, — спокойствия не будет. Мы жалеем, что миллионы сынов России своею смертью платили за возобновление нашей самостоятельности, наши многие партии же пришли к признанию нашим правительством советской власти де юре. В настоящее время утешением для нас может служить единственно то, что мнение правительства не бывает мнением всего народа и за какую-нибудь деятельность правительства нельзя обвинять народ и укорять его. Жалеем, что о своем долге забыли и Франция, Англия, Италия и все государства военной Антанты. Гробовщики русского народа и государства были признаны, нравственно дегенерированной послевоенной дипломатией, в качестве представителей народа, осужденного красной большевицкой властью к немоте. Красные сатрапы распоряжаются золотом, добытым из ценностей веками собранных старой царской Россией, золотом, вытащенным со всей земли и работой миллионов людей,стонущих под большевизмом, который старается приобрести общественное мнение там и в тех кругах отдельных народов, о которых знает, что никогда не снищет их для своей классовой политики, а потому старается сломить их сопротивление массой иных утонченных средств. Покупает для этой цели газеты с их редакциями, покупает таланты писателей и поэтов, производителей фильмов и их компонистов, художников, профессоров, ученых, экономистов, социологов, философов и приказывает им работать исключительно в своих интересах и для своей корысти, всячески прикрывая то, что здесь, в сущности, идет речь о болшевизации. Такой комуфляж подобен загримированной и припудренной язве венерической болезни, дабы у здоровых людей не возбуждать ужас и отвращение. Покупаются целые партии, корпорации, политики, члены парламентов, государственные деятели, священники, и вообще всяк и каждый, кто охотен продать себя для их цели.

Приводим эту главу из режиссерства Коминтерна, т. к. не сомневаемся, что целый ряд наших деятелей патриотов получил, как и мы, орган русской национально-оборонческой мысли — „Оборона России". Эту оборону, часть русской пребывающей у нас эмиграции видит в том, что бы в случае войны Германии или Японии с Россией (в действительности не с Россией, а с Советским режимом), создать русские национальные легионы для помощи советам. И эти легионы думают создать в армиях тех государств, которые с советами (опять таки не с русским народом) заключили договоры о взаимной помощи на случай войны. Иными словами, выглядит это так: эти русские эмигранты спасаются у нас только потому, чтобы сохранить свою жизнь от насилия ужасной большевицкой власти, от которой бежали и решение их, которое нам сообщают, не имеет, в конце концов, никакой иной цели, как только сохранить и продолжить существование большевицкой диктатуры над своим народом и землею.

Мы знаем, что это решение не разделяется другой частью эмиграции, живущей у нас и мыслящей национально и действующей бескомпромиссно, которая ожидает военного конфликта (все равно с востока или с запада), который бы смел, с поверхности земли, красную диктатуру со всем большевицким режимом. Задумаемся только над содержанием всей этой газеты „Оборона России", в которой стараются нам доказать, что советский режим и большевизм совершенно различные вещи, где зашищают Сталина, как воскресителя „национальной России", хотя он, одновременно, является мозгом и дирижером коммунистического интернационала. В этой газете Красную армию—пытаются превратить в русскую национальную армию; насильственную большевизацию и уничтожение Казачества — превращают в его возрождение в России. И это — кроме иных советофильских отводов глаз, известных нам как из явной, так и тайной большевицкой прессы по целому свету.

Поэтому, мы приходим к заключению, что к этому организованному и коллективному комуфляжу прибавилась еще одна ячейка, на этот раз из тех рядов, откуда бы мы никогда не ожидали — из рядов русской эмиграции!

Мы не упрекаем эмиграцию в том, что она вначале советского режима, не могла из числа эмигрантов составить два или три корпуса и вести партизан. войну в самой России, раз все их призывы о помощи остались безрезультатными, благодаря глухоте европейской общественности. Возможно, что это было бы тяжелой борьбой, но осталось бы навсегда, в истории, честью эмиграции. Но мы отвергаем самым решительным образом, чтобы советофильская эмиграция подходила к нам с фальшивыми утверждениями о том, что дело воскрешения русского народа и России тождественно с сохранением и обороной большевицкого режима и что поддержка и оборона этого режима — палачей и тюремщиков России — есть оборона славянства и в интересах славянства. Для нас приятель — каждый, кто неприятель большевизма и наоборот.

Под конец, этой советофильской эмиграции задаем следующий вопрос: „Раз вы убеждены, что в России, под большевицким режимом, есть все, что необходимо для лучшей будущности русского народа, как вы излагаете, почему тогда вы не отправляетесь прямо в Россию и, вместо добровольческих легионов в чужих армиях, не вступите в Красную армию?",

Не менее интересная и характерная статья была напечатана и в другой чешской националистической газете „Народный Вызов", из которой приводим отрывок, касающийся вопроса об интересах славянства.

„Мы, чехи, заинтересованы в том, чтобы славянская Россия была опять в руках славян, но не интересуемся тем, что скажет на это застольная говорильня — Лига Наций. Потому, что любя свою родину, мы заинтересованы в том, чтобы ее не подставляли под опасность еврейско-массонских международных интересов и не шли умирать за них. Наш интерес заключается в том, чтобы в будущем на сцене жизни появились Соединенные Штаты Славянских Народов, освобожденных от международного господства".

Так говорят чешские националисты и вообще трезво смотрящие чехи в своих органах печати и в речах. Если господа Сидорин и Чапчиков говорят, что „смертельная опасность для России заключается в том, что по японскому плану — в Сибири будут созданы буферные государства, а по германскому — Россия будет разделена на четыре государства — Украину, Казакию, Великороссию и Сибирь", мы только можем сказать, что именно эти „планы" (если они есть) суть в интересах порабощенных советами народов, в том числе и наших, казачьих. Россия сама давно начала разлагаться на составные национальные части. Нам, казакам, нужна самостоятельная Казакия, но не в составе СССР. или России вообще.

Софийская национальная, имени Н. С. Рябовола, казачья станица 13 с. сентября произвела перевыборы Правления. Избраны; Атаман — Ф. В. Оболенский, Пом. — И. М. Юдин, Писарь — М. Г. Глазков, Казн.—Г. И. Чекунов.

Шамба Балинов (Франция)

Казачье Национально-освободительное Движение.

I.

Живем мы в смутное время. Надъ миром, потрясенным недавней Великой войной и бьющимся в тисках всеобщего морального и материального кризиса, нависли грозовые тучи. Государственные мужи всех стран тщетно ищут выхода из создавшегося положения, а поджигатели „мирового пожара" — русские большевики — все силы употребляют к тому, чтобы еще больше углубить кризис, еще больше спутать карты, чтобы легче было им ловить рыбу в мутной воде, чтобы легче было им достигнуть своей основной цели — через мировую революцию — диктатуры пролетариата во всем мире.

В этой их разрушительной работе, помимо всех других причин, одну из главных, способствующих им ролей, играет то, что мир не знает истинного положения вещей в СССР, представляя его как единый монолит. Огромность территории СССР, ошибочное представление об его населении, как об едином целом, внушают чувство уважения и преклонения перед СССР, что значительно облегчает большевицкую пропаганду.

Между тем, дело обстоит совершенно иначе. Нынешний СССР ни в коем случае нельзя сравнивать с б. Россией, ибо от него отпали Финляндия, Польша, Эстония, Латвия, Литва, Бессарабия. Скроенный большевиками из остатков б. России — СССР никогда не был единым монолитом ни в национальном, ни в политическом отношении, являя собой конгломерат сотни народов, говорящих на разных языках, исповедующих разные религии и находящихся на разных ступенях культуры. Достаточно сказать, что СССР состоит из семи равноправных республик: Российской, Украинской, Белорусской, Закавказской, Узбекской, Тюркменской, Таджикской; из 20-ти автономных народных республикъ и 17-ти автнономных национальных областей. Из них сама Российская Республика состоит из 13-ти автономных нац. республик и 13 нац. автономных областей.

В этой пестрой семье народов СССР, собственно русское население составляет меньшую половину. А если исключить казаков, выдаваемых за русских, то это соотношение станет еще более невыгодным для русских.

Во всех этих бесчисленных республиках и областях быстрым темпом растет и крепнет национальное сознание, происходила и происходит упорная и жертвенная борьба за освобождение из-под опеки Москвы. Вопрос только времени — когда случится это неизбежное национальное освобождение угнетенных народов, когда настанет час „последнего и решительного боя" народов с красными палачами.

Для трезвых наблюдателей за явлениями современной жизни будет аксиомой то, что при наличии неустанной активной работы русских большевиков по разложению всего мира, при наличии сталинской армии коммунистов, широко пользующихся огромными материальными рессурсами СССР, не может быть спокойствия и порядка во всем мире.

А для тех, кто знает природу русского большевизма, знает современное внутреннее положение СССР, не подлежит сомнению то, что единственной, реальной и смертельно опасной для судьбы большевизма, силой являются угнетенные народы СССР, охваченные и воодушевленные благородной и высокой идеей самоопределения народов и их беспрерывная борьба.

Только небывалый в истории культурного человечества жестокий красный террор удерживает эти народы под властью Москвы.

Об одном из этих угнетенных народов, при том, самом активном, боевом — о Казачестве — мы считаем нужным дать краткие сведения для иностранных читателей нашего журнала.

Казачество является совершенно отдельным по крови и духу славянским народом, жившим еще в недавнее время собственной государственной жизнью. С давних времен Казачество выработало у себя свой собственный общественный правопорядок и государственные формы бытия, опирающиеся на принципы свободы личности и подлинного народоправства. Высокие принципы французской революции — свобода, равенство и братство — казаки осуществляли в жизни еще далеко раньше до французской революции . . . Как свою государственную независимость, так и свой высокий общественный идеал свободы, Казачество долгое время защищало против посягательств извне, особенно от покушений русских, стремившихся подчинить Казачество деспотии руских царей и режиму рабско-крепостнического права.

И только благодаря перевесу физической силы, да неописуемым насилиям и террору, русским царям удалось сломить Казачество, постепенно овладеть его добром и посеять среди него разлагающий яд обрусения.

Современный цивиллизованный мир возмущен и слезы горькие льет по поводу расправы Италии с Абиссинией. Но то, что сделал в 1708 году русский царь Петр I с независимым Доном, со свободолюбивыми казаками, по своей жестокости далеко превосходит итальянские действия в современной Абиссинии: тогда, после долгой и жертвенной борьбы за свою государственную независимость, Казачество было побеждено на поле брани русскими войсками. После этого Петр I приказал все казачьи станицы сжечь, а всех лучших сынов Дона уничтожить. Во исполнение этого царского приказа, станицы были сожжены а лучшие, сознательные казаки, в числе около десяти тысяч человек, были убиты, трупы коих, развешанные на плотах, были пущены вниз по реке Дону, для устрашения оставшихся.

Так была уничтожена государственная независимость Казачества. Так было подчинено Казачество власти Москвы. Но это насильственное подчинение и последовавшая за ним руссификаторская политика Москвы-не убили казачего национального сознания, казачьего свободолюбивого духа. Казаки, даже находясь в подчинении Москве, никогда в этническом смысле не отождествляли себя с русскими и всегда подчеркивали, говоря: „у нас на Дону, у вас на Руси"; „мы — казаки, вы — русские".

Это особое казачье сознание, этот казачий свободолюбивый дух, казачье отталкивание от Москвы были хорошо известны тогдашней Европе. В европейской литературе 18 и 19 веков об этом есть богатое свидетльство. Многие европейские политические деятели тех времен часто на этом строили свои политические планы.

В частности, в 1802 году, во времена консульства, представитель Наполеона I в Константинополе, г. Годен составил проект оказания помощи казакам в их борьбе против Москвы. Намечался план свержения русской власти, освобождения Украины и Казачьей земли, чтобы создать из них самостоятельные государства.

Затем, Наполеоном I же был одобрен проект, выработанный в Париже в Министерстве Иностранных Дел графом д'Отрив'ом. Этот проект предусматривал, не более и не менее, как образование из Украины и смежных с нею Казачьих Земель — Дона и Кубани — независимого государства, находящегося под протектор а том Франции. Такое государство, по мысли автора проекта, должно было служить барьером против движения России на Кавказ, Турцию и Балканы.

О том, что Россия насильственно „покорила казаков" говорил депутат Парижского Конвента, Буасси д'Англа, в своей речи, произнесенной на заседании Конвента 30 января 1795 года.

Только потом, во имя русской имперской политики, была создана теория о том, что казаки происходят от беглых русских крестьян и эта „теория" упорно вбивалась в сознание общества, как в Росси, так и заграницей. Но казаки не были беглецами, а особым славянским народом, наравне с великорусским, белорусским и украинским, живущим на своей территории, своим государством.

После февральской революции в 1917 году, Юго-Восточное Казачество (Дон, Кубань и Терек), немедленно восстановило свое прежнее утраченное политическое положение, старые казачьи традиции, наладило правильную общественную жизнь.

Правда, в этот момент Казачество еще не становилось на путь полной государственной независимости, а мыслило себя отдельным штатом Российской федерации, как думали тогда и все другие угнетенные народы. А на фронте, при всеобщем развале собственно русских частей, казачьи полки мужественно боролись против развала армии, задерживая массовое дезертирство русских солдат, за что русские большевики и солдаты называли казаков контр-революционерами. Нужно сказать, что в Мировую войну Казачество выставило на фронт 166 конных полков, 171 особую сотню, 30 пластунских батальонов, 44 конных баттарей, — в общей сложности до 430 тысяч бойцов. Притом, личный состав многих казачьих частей, особенно батальонов, втечении войны менялся до 15 раз, т. е. пополнялся новыми казаками.

Все эти казачьи части, верные своему долгу перед Антантой, втечении всего 1917 года, в период всеобщего военного развала России, явились главным и, можно сказать,

единственным оплотом противонемецких сил на всем русском фронте.

II.

После октябрьской революции, Казачество немедленно, через свой парламент, об'явило свою полную государственную независимость и восстановило, полностью уничтоженные Россией, государственно-общественные институты: парламент, президент, правительство, суд, армия. 15 сентября 1917 года казачий парламент принял свою государственную Конституцию, первая статья коей гласит: „Вселикое Войско Донское есть самостоятельное государство, основанное на началах народоправства". Установило свой государственный, существовавший еще до-Петровского разгрома Казачества, флаг, гимн, герб, присягу. Завязало дипломатические сношения с соседними государствами, путем обмена посольствами.

Конечно, восстановление древней казачьей государственной независимости, создание в богатейшем уголке б. Империи здорового, сильного, основанного на началах подлинного народоправства казачьего государства, естественно, не соответствовало интересам красной Москвы и большевики пошли войной на Казачество. Для облегчения своей борьбы с Казачеством, коммунистические вожди умело воспользовались русской старой теорией о том, что казаки происходят от беглых русских и что за время существования царской России казаки, мол, превратились в жандармов русского царизма, что конечно, ни в какой мере не соответствовало истине.

Война эта, как известно, длилась три года, с осени 1917 года по осень 1920 года. За время этой войны, в небывало тяжелых условиях, под грохот орудийной пальбы, только в силу крепкой традиции и навыка к самоуправлению, Казачье государство вполне успело окрепнутьорганизационно, провести разумные земельные и школьные реформы, создать свою постоянную молодую армию.

Три года продолжавшаяся противобольшевицкая война велась казаками с напряжением всех моральных, экономических и физических сил. Она была необыкновенно тяжела, так как в то время на всей территории б. Империи не было другой столь хорошо организованной и серьезной и живой антибольшевицкой силы, кроме казаков. Борьба это была и тем более трудной, что всеевропейское значение казачьего отпора воинствующему русскому большевизму, тех времен, не было понято сильными мира сего. Государства-победители (Антанта), через своих представителей, вместо поддержки, прямо вредили казакам, оказывая свою всемерную поддержку только реакционному генералу Деникину, требуя от казаков подчинения этому русскому генералу, не только в казачьей среде, но даже среди самого русскаго народа не пользовавшемуся популярностью, авторитетом. **Всю неразумность такой политики Союзников можно понять из того, что в самый лучший период в русской Добровольческой Армии на Юго-Востоке число бойцов её не превышало 8-ми тысяч. Вся живая боевая сила юго-восточного противобольшевицкого фронта состояла исключительно из казаков.**

Но ни откуда не получая помощи, не встречая признания, всюду наталкиваясь на помехи, казаки, тем не менее, втечении трех лет вели героическую борьбу, держали в своих руках судьбу большевиков, всей советской власти. Отражая бешеные натиски Красной Армии на широком, пятисотверстном фронте — от Павловска Воронежской губернии до Царицына на Волге, — преграждая путь 100-тысячной красной армии, соответственно снабженной техническими средствами, руководимой русскими генералами генерального штаба, т. е. борясь против всей вооруженной силы 80-ти миллионной большевицкой России, Казачество, тем самым, облегчило задачу всей Европы для залечивания тяжких ран на ее теле и душе, оставшихся после тежелой четырехлетней Мировой войны.

Казаки имеют моральное право поставить вопрос: где и какая сила могла остановить победное шествие красной конницы, ведомой фанатиками-большевиками, не будь тогда сопротивления Польши на севере и Казачества на юге?

Все грозное значение этой казачьей борьбы для судьбы большевизма хорошо понял тогдашний главковерх Лейба Троцкий, который бросил тогда же свой знаменитый лозунг: „фронт казачий — опаснее фронта немецкого!"

Трехлетнее казачье-большевицкое единоборство кончилось поражением Казачества. Главной причиной этого поражения явилась связь Казачества с русским контрреволюционным движением Деникина, который—наложив на чисто народную казачью борьбу печать контрреволюционной, классовой борьбы — облегчил задачу большевиков. **Единственная правильно начатая политика тогдашней Германии, в трудный момент пришедшей к казакам с солидной помощью, прекратилась с ее поражением.**

Только это стечение внутренних и внешних неблагоприятных обстоятельств, привело мужественную жертвенную борьбу Казачества за свою государственную независимость, к поражению и дало победу большевикам.

Но и побежденное Казачество не признало большевиков. С оружием в руках, с непрерывными боями, Казачество отступало, затем, эмигрировало заграницу. Эта казачья эмиграция носит законченный государственный характер, точно такой же, как в свое время — перед немецким наступлением — отступили бельгийцы или сербы во главе с своими королями.

Казачество отступило, имея во главе атамана-президента, парламент, суд, все свои государственные имущества вплоть до музея, со своей армией и значительным количеством гражданского населения. Этот свой государственный характер оно сохранило и в эмиграции.

Московское правительство, с величайшими трудностями поборовшее Казачество, с первых же лет своего существования, предприняло реальные шаги к поголовному физическому истреблению казаков, как непокорного и опасного для советской власти элемента. Целые станицы (городки) буквально стерты с лица земли, десятками тысяч казаки расстреливались в подвалах ГПУ, сотнями тысяч ссылались в концентрационные лагеря на принудительные работы; запрещено было название казак, ношение казачьей национальной одежды, пение национальных песен. В связи с коллективизацией, до нитки были обобраны оставшиеся казаки. На место высланных вселялись русские из центральных губерний. Но казаки, даже находясь под властью большевиков, под жестоким красным террором, не признали власть советов, не переставали оказывать упорное сопротивление всем мероприятиям большевиков. Эта казачья внутренняя борьба принимала различные формы, не раз доходя до открытого восстания, заставляя красную Москву прибегать к помощи танков и газа.

Тем не менее, ликвидация Казачества большевикам не удалась. 11-ти миллионный, морально здоровый народ, с территорией в 1,300,000 кв. километров уничтожить оказалось не под силу даже большевикам. Достаточно было показаться реальному признаку внешней опасности для СССР, связанной с напряженным внутренним политическим положением, как большевики быстро изменили свою „казачью политику": от проповеди и дел физического истребления казаков, резко перешли к возрождению и славословию их.

Но, конечно, казаки отлично знают цену всяким лживым похвалам большевиков и, внешне подделываясь под тон большевиков, ждут того момента, когда представится им удобный случай для освобождения из-под опеки Москвы.

III*)

Казачьи Края являются территорией с достаточным количеством полноводных рек, которые прорезают казачьи земли почти поперек. Прежде всего казачья территория омывается волнами трех морей: Черного, Азовского и Каспийского. Имеются реки: Дон, Донец, Маныч, Кубань, Лаба, Терек, Кума, Волга, Урал и т. д., многие из которых являются судоходными.

На казачьей территории имеется, часто, такое сочетание разнообразных климатических условий, что, с одной стороны — трескучие морозы, покрывающие реки льдами аршинной толщины, а с другой — район, где зреют апельсины, где разводят чайные плантации, где можно выращивать собственный хлопок, рис.

Казачьи Края, прежде всего, являются краем хлеба, а Кубань славилась своей знаменитой пшеницей „кубанкой". Еще до войны, от одного телеграфного сообщения о выпавшем на Кубани дожде, менялись цены на хлебном рынке в Чикаго. Такое значение имел Казачий Край на мировом хлебном рынке!

В 1914 году казаки свою хлебную запашку довели до 13,04 мил. десятин, собрав урожай в 650 мил. пудов. По заключению специалистов, казаки свободно могли свою запашку довести до 20-ти мил. десятин. На казачьей земле культивировались: ячмень, рожь, пшеница, овес; масляничные растения: лен, конопля, подсолнух, горчица, рапс, клещевина, а также садоводство и виноградарство, под которым еще до войны было занято сорок тысяч десятин со сбором в 6 мил. пудов винограда.

Развито было бахчеводство и огородничество, под которыми была занята площадь, по величине равная одной трети территории Бельгии, а валовой доход от них выражался еще до войны в 150 мил. зол. рублей.

---

*) Эти сведения взяты из экономического очерка инж. Бейсуга.

Другими крупными видами хозяйства было коневодство, скотоводство. По переписи 1916 года было: лошадей — 3.224.000 голов; крупного рогатого скота — 7.277.500 голов; верблюдов — 108.000 голов; овец — 11.550.700 голов; коз — 829.300; свиней — 2.025.300, а всего — 25.315.500 голов. В среднем, на 100 душ населения, приходилось 202 головы.

Казачье скотоводство, удовлетворив все местные нужды, давало чистого дохода около 100 мил. золотых рублей. Такой доход получался даже при наличии нерационального ведения хозяйства казаками. Нужно сказать, что все казачье хозяйство, в целом, давало наименьшую долю того, что оно должно было дать при умелой постановке его: оно не было организовано так, как в странах Европы и, нужно сказать, не по вине казаков, которые должны были двадцать лет служить на русской военной службе, из коих четыре года далеко за пределами своей родины.

Рыбный промысел в 1913 году дал доход в 42 мил. золотых рублей.

Добыча нефти в 1914 году выразилась в 118 мил. пудов бензина. Казачья земля в этой отрасли занимала 4-е место, уступая лишь Соединенным Штатам Америки, Бакинско Ферганскому району России и Мексике.

Казачьи недра таят в себе медные, серебрянные, свинцовые, цинковые, ртутные, марганцевые, железные руды, графит, серный колчедан и т. д. Из всего количества свинца, добываемого в России, казачья земля давала 80,3% цинка, из всех 100%. К сожалению, металлургическая промышленность была только в зачаточном состоянии. Имелись заводы: Сулинский, Таганрогский и Макеевский, которые, в общей сложности, давали около 30 мил. пудов чугуна, что составляло, в 1909 году, лишь 8% того, что давала Франция.

Площадь, занимаемая залежами каменного угля на Дону, исчислялась приблизительно в 6½ тыс. кв. верст. В 1905 году добыча угля выразилась в 8,6380,000 тонн. В 1914 году, при слабом оборудовании шахт, Дон на поверхность выбросил 500 мил. пудов угля всех сортов, который вполне удовлетворив местные потребности, позволил отправку за пределы Дона 279½ мил. пудов, на сумму более 22 мил. золотых рублей.

Ныне, большевики в своей пропаганде искусстно пользуются цыфрами достижения своего „социалистического строительства". Но в отношении Казачества, они ни в одной отрасли хозяйственной жизни не достигли прежнего довоенного уровня. Эффект от их пропаганды в глазах иностранцев получается только потому, что они, большевики, в период установления своей диктатуры, затем во времена военного коммунизма, разрушили все народное хозяйство, что называется, дошли по дна. На этом огромном пространстве, именуемом СССР, царили безысходная нищета, всеобщая голодовка и полная нагота. Миллионы людей погибли от голода, питались человечиной, желудями, ходили голые, босые. И на этом огромном темном фоне, возможность — выпивать в день литр молока, или есть кусок мяса, купить кусок материи, чтобы покрыть свою наготу или купить английскую кровать с простой пружиной — стала возводиться в великое достижение „социалистического строительства" и об этом трубят во всей советской прессе.

Подобными трюками большевики спасают свое лицо перед культурным миром. Но сроки приближаются, когда уже и трюки не спасут.

Кончаем нашу заметку тем, с чего начали. Мировой экономический кризис непреодолим, покуда сотни разных народов, общею сложностью в 170 миллионов душ, насильственно подчиненные Москве, в результате большевицкого „хозяйствования", в смысле материальной культуры, доведены до первобытного состояния, из'яты из мировой хозяйственной жизни и как производитель и как потребитель.

Тревожное политическое положение в мире не может быть устранено, покуда мировая армия коммунистов будет питаться неограниченными материальными рессурсами бывш. России, добываемыми из голодающего населения, с применением пулеметов и бессудных расстрелов.

Вопрос сводится к удивительно простой формуле: если русский большевизм не будет обезврежен, если в коммунистической базе — СССР — не произойдут изменения, то большевизм утвердится во всем мире. То, что происходит сейчас в Чехословакии, Испании, Франции, Бельгии есть убедительное предупреждение миру. А если принять во внимание разрушительную пропаганду большевиков в огромном муравейнике азиатских народов, во всех колониях европейских государств, их умелое возбуждение ненависти желтых против „белых господ", то станет ясной вся грозная опасность коммунизма для всего культурного мира.

Действенной антибольшевицкой силой являются угнетенные народы СССР, охваченные идеей национальной независимости, беспрерывно ведущие упорную антисоветскую борьбу. А в семье этих угнетенных народов — Казачество является наиболее значительной силой.

Уже однажды Казачество спасло Европу от возможного большевицкого наплыва. И в будущем, ему предстоит почетная роль избавителя Европы от русского варварского большевизма.

Только понимают ли его значение?

А. Бояринов (Париж)

К вопросу о роли войсковой старшины в социально-политических отношениях на Дону

Выделившись из казачьей массы знатностью и богатством, донская войсковая старшина уже в половине XVII в. начинает оформливаться в особый класс, об'единенный общими интересами — материальными и моральными — и приобретает значительное влияние на социально-политические судьбы Донского Казачества. Постепенно возрастая, значение старшины в жизни Края, к концу XVII ст., становится решающим. Но, встречая оппозицию своему влиянию в среде казачьей массы, старшина, естественно, ищет средств для закрепления своего положения в московском правительстве и стремится, с поддержкой этого правительства, ограничить права казаков в деле распоряжения своим Краем.

Удар, нанесенный Донскому Казачеству Петром Великим актами уничтожения выборности Войсковых Атаманов и сведения на нет Войскового Круга, как нельзя лучше послужил на пользу старшины и окончательно отдал распоряжение судьбами Края в ее руки.

Заняв еще в прошлом (XVII) веке доминирующее экономическое и социальное положение, старшина начинает превращаться в помещиков-крепостников, захватывает огромные пространства земель, устраивает на них хутора и населяет крестьянами, купленными в Великороссии, или беглыми, или переселенцами из Малороссии, где в то время, раньше свободное население — даже местное казачество, старанием своей старшины и волею московского правительства — приведено было в крепостное состояние наподобие московского, со всеми ужасами рабства характеризовавшими этот институт. Малороссийское крестьянство, вследствие этого, массами устремилось на Дон и там попадало в руки местной старшины. Нужно заметить, что здесь новоприходцы эти пользовались значительно большей свободой, чем у себя на родине, а некоторые, современем, попадали в казаки. Огромное большинство, правда, оставалось на крестьянском положении, но могло переходить свободно от одного владельца к другому.

Даже и после закрепощения их актом 1797 г., при Павле I, Донские крестьяне никогда не подвергались тем ужасам рабского режима, который царил в Великороссии и Малороссии. Такие относительно „либеральные" условия и влекли малороссов на Дон.

Помещичьи имения на казачьей земле создавались очень просто. Выбирал себе старшина хороший по качеству и по размеру кусок земли, в любом месте донских степей, получал от войскового правительства, где сидели свои братья старшины, указ, заводил хутор, а, прежде всего, строил мельницу водяную—и новое поместье готово. Хутор обрастал пришельцами малороссиянами и, таким образом, впоследствии получались те огромные слободы — Мартыновки, Карповки, Серебряковки и пр., которые сыграли такую губительную для Казачества роль в эпоху нашей противобольшевицкой борьбы.

Часто новые помещики вклинивались в станичные юрты, теснили казаков, порождали распри между старшиной и казаками, но старшинское засилье было к концу XVIII в. уже настолько велико, что победителями в спорах всегда оставались старшины. Было единственное средство у казаков восстановить свои права — путь революционный, но в эту эпоху Казачество уже так было зажато в тиски, а Петербургское правительство так ревниво проводило политику расказачивания, лишения казаков их исконных прав, что надеяться на успехи „прямого действия" было трудно.

В качестве показателя взаимоотношений, которые в те времена установились между Донскими казаками и их старшиною, мы приведем очень красноречивую историческую справку.

26 мая 1796 г. казаки Филоновской станицы—Петр и Тимофей Кирпичевы с братьями, Федор Евстратов, Григорий Ефремов, Сысой Смирнов с товарищами и Березовской станицы—Минай Потапов и Филипп Баранин,—жаловались Войсковому Атаману Алексею Ив. Иловайскому, что более 50-ти лет тому назад их предки заняли место при р. Бузулук, в урочище, называемом „Высокая Дубровка", где они и „бесспорно жительствовали, довольствовались скотоводством, сенокошением, хлебопашеством и рубкою леса без причинения один другому обид". Назад тому восьмой год, полковой хорунжий Степан Алонцов просил их не препятствовать ему в занятых хуторах на берегу р. Бузулука, на правой стороне построить мельницу для г. полковника Семена Курнакова, на что согласились с условием, однако, не заводить там никаких строений, „кроме одного мельника". Но спустя года четыре, Курнаков (влиятельный войсковой дьяк) поселил при мельнице 6 дворов малороссиян, от которых тем не менее, „казаки обид не чувствовали"... Весною 1795 г. пришло в те хутора „множество малороссиян", „кои об'явили, что желают приписаться за подполковником Курнаковым". Приказчик последнего, Яков Вилков, размерил им в тех казачьих хуторах места, где они начали строиться, „беспощадно рубить для этого лес и ставить свои избы"—„начально в смежности с нашими дворами, а потом начали нагло уже избы наши расгораживать и на оных строить свои" — говорят жалобщики. По май месяц сего 1796 года они построили уже 85 изб, да еще к построению было навожено много материалу. Повидимому, говорят казаки, что им дан был от Курнакова какой-нибудь „повод", что они даже „стали внушать, якобы нам там вовсе не быть"... „и усиливаются, чтобы нас вовсе с хуторов стеснить". Они уже весною 1795 г. самовольно попахали хлебосевные пашни; кроме того, в наступивший сенокос посогнали всех казаков с их сенокосов, выехав для этого в количестве „большем ста человек" и покосили всю траву „без остатку". Казаки пожаловались об этом „насилии" начальнику — старшине Ивану Турчанинову, но тот отказался вмешиваться в это дело, заявив, что „запретить малороссиянам в косьбе наших сенокосов он не может". В силу этого казаки остались без корму для скотины и не могли его нигде в окружности купить.

Малороссияне же накосили сена не только в достаточном для себя количестве, „но и слишком, ибо во время зимы (жалуются казаки) оное они от излишности, другим хуторянам продавали, нам же, неведомо отчего, не продавали", а так как кроме купить было негде, то у казаков от бескормицы пало много скота. Малороссияне же, видя, что все их насилия „миновались без взыскания", на следующую (1796) весну опять „с умыслом" попахали хуторские казачьи земли и посеяли свой хлеб, а сенокосом уже завладели окончательно, забирая всякий пойманный на них скот и отпуская его лишь за большой „выкуп", который, к тому же, пропивали в своих кабаках. Ко всему этому, они также окончательно завладели и стоящим на корню лесом, сделав его для всех хуторян „заповедным", не допуская туда никого и, в противном случае, грабили и топоры и скотину и опять пропивали все это в кабаке. Старшина же Турчанинов, вместо того, чтобы принять известные меры против такого самодурства, „из одного подполковнику Курнакову дружеского уважения", как об'ясняют казаки, давал к этому повод, почему обиженные казаки-хуторяне и вынуждены обратиться к самому (Войсковому), прося его о своде малороссиян Курнакова, как поселенных „самовластно", а за причиненный „убыток скота взыскать с малороссиян натурою или деньгами по прилагаемому реестру. В противном случае, говорили просители, „мы можем придти в окончательное разорение".

В ответ на эту просьбу Войсковое гражд. прав-во определением на 26 июня 1796 г. назначило подполк. Никиту Астахова и страш. Ивана Андриянова расследовать все это дело. Однако, такого расследования почему-то не последовало и определением от 18 декабря того же года им снова было предписано учинить расследование*).

Как бы ни было и чем бы ни кончилось это расследование, результаты его, в конце концов, налицо: слобода Сем. Курнакова „Высокая Дубровка" осталась существовать и ее население год от года возрастало.

Почти, тождественную с изложенной жалобу и на тех же крестьян Курнакова, одновременно приносили и казаки Филоновской станицы: Алексей Любимов, Тимофей и Андрей Растригины, Иван и Ульян Балычевы, Севастьян, Тарас, Ефим и Нестер Панфиловы, Исаак Калачов и пр. Нового в своей жалобе они добавили, что после того, как малороссияне выкосили у них сенокос, обиженные обратились к обидчикам с просьбой отдать им „хотя половину", но вместо этого были жестоко избиты и

*) Донск. Ист. Муз. Хоперский Окр. архив, св. 33.

преследуемы до самых домов, где также были „бесчеловечно истерзаны“ и в таком виде отправлены к старшине Турчанинову, который, вдобавок, еще обвинил казаков, а в знак примирения — предложил малороссиянам—продать казакам „третью копну с покоса по 20 коп. за каждую“.

Подобные же насилия крестьяне Курнакова делали не только по отношению простых казаков, но даже и в отношении более или менее чиновных людей.

Чтобы оградить старшин от оппозиционных действий казаков, Войсковой Атаман Орлов в 1797 году разослал станичным правлениям особый наказ, который гласил:

Пункт 3. — Должны все жители иметь ввиду своем всегда, что в прежние времена они имели великое уважение как к старшинам, так и к старшим и почетным людям, чтобы по посылаемым от вышнего начальства повелениям никто не смел в противоречие кричать; если же кто на это отважится, таковых станичному атаману и старикам, не выходя со сбора, там же наказать — на страх другим — плетьми.

Пункт 4.—Предписывает все тяжбы разбирать между собою и только в случаях невозможности разрешения тяжбы таким путем, обращаться с жалобой к атаману и старикам, а отнюдь не в другое место.

Пункт 6.—К сыскному начальству разрешалось обращаться только чрез посредство станицы, от которой для такого обращения необходимо иметь „увольнение“.

Хороши картины! А еще находятся казаки-младороссы и недоносы, которые смеют утверждать, что под крылышком Матери-России Казачеству жилось и легко и счастливо. Думается, что во время существования на Дону суверенного Войскового Круга г. г. старшинам Курнаковым, Турчаниновым и пр. и в голову бы не пришло дерзнуть на такие поступки, как равно и Войсковому Атаману Орлову. А если бы кто посмел дерзнуть, то его бы живо упрятали в куль и послали бы искать поместье на дне ближайшей реки.

А. Н. ТРОФИМОВЪ (Франция)

Степан Тимофеевич Разин*)

(продолжение)

Такая разность социальных условий на Руси, быть может необходимый, но до изнеможения невыносимый финансовый нажим на крестьян; своеволие и самодурство бояр и воевод; непримерное поведение духовенства, безнадежная, все ухудшающаяся, участь крестьян толкали их к бегству от бояр, нередко на преступления, на бунты и заставило широко отозваться на призыв Разина к свободе.

Бегут, в царствование Алексея Михайловича, крестьяне во все стороны — по лесам, чтобы скрыться от притязаний воевод. Но и эти не зевают: приказные дьяки строчат, воеводы или их сыщики нащупывают следы и рано или поздно настигают их и... снова начинай сначала. Отдельно, разрозненно, но не имея уже никаких сил выносить подобной жизни, крестьяне мстят — жгут, грабят, убивают. Даже в Москве этого времени небезопасно было ночью ходить по улице.

Тем же отвечали и посланцы бояр или воевод. Тут, иногда, не только отдельным деревням, но и городам достается. И стонет все от них похуже, чем от нашествия завоевателей. „Пытают, жгут на огне, головы рубят, деньги вымучивают“. Ведь это одно из поприщ, где воеводы и приказные, на основании власти, действуют так, чтобы все трещало, чтобы все пылало, чтобы долго их помнила эта рабская масса.

Рабы же — крестьяне, стихнув на время, снова начинали шалить воровскими шайками или убегали еще дальше. Вот это-то бегство, рабски забитых людей от своих же властителей, русские историки и награждают названием — колонизаторство!... Такую же мысль еще недавно внушили и иностранцам, что рабский народ удивительно способный колонизатор. А этот „колонизатор“ не знал куда деваться и . . . бежал в леса.

Русь, этих времен, представляется мне каким-то страшным, кроваво-жадным, алчно-беспощадным страшилищем для крестьян и всего простого люда; в жертву которому они несли все, что было самого ценного: здоровье, жизнь, кровь, счастье свое и родной семьи, совесть, право каждого быть человеком, а не скотом. Все, что находило нужным бросить им это бояро-воеводско-дворянское страшилище — это рванье тряпья вместо одежды, полускотская пища и возможность пить.

Помимо всего этого, что творили владельцы, чашу народного горя дополняли еще и различные финансовые мероприятия правительства — распоряжения государственного характера. Войны требовали денег. Казна истощалась. Всевозможные налоги собирались со всей строгостью тех времен — выколачиванием, в буквальном значении этого слова. К тому же, сборщики, собирая на казну, не забывали и себя, так стараясь об этом, что трудно определить, куда шло больше налогов — в казну или в карманы сборщиков, налетавших на крестьян, как хищные коршуны.

Когда одного из них обвинили в недостаточно энергичном сборе податей, он отвечал: „Я, государь, посадскими людям не норовил и сроков не даю... правил на них твои государевы доходы нещадно, побивал на смерть“... (Проф. Фирсов. „Разиновщина“. стр. 4).

Народ изнемогал, народ не находил выхода из своего тяжелого положения и начались мятежи. В 1646 году был, так называемый, Соляной бунт, когда, вместо 5 копеек пошлины с пуда, было наложено 20 копеек (2 руб. 40 коп. на наши деньги). Народ не только не мог производить засолы чего

*) Эта часть — окончание части, напечатанной в № 3—4 (9-10) „Казакии“. Она была по недосмотру пропущена. Ред.

либо впрок, но и повседневную пищу, сплошь и рядом, ел без соли. Проф. Ключевский отмечает один из фактов — результат повышения пошлины: „тысячи пудов дешевой рыбы, — говорит он — которой питалось простонародье в постное время, сгнили на берегах Волги".

„В 1648 году поднимается бунт в Москве, где стараниями бояр, патриарха, дворян и пр., простолюдин был доведен до такого состояния, что ему нельзя стало ни выгнать свою скотину на попас, ни проехать в лес по дрова, ни огород развести, ни дыхнуть, ни охнуть. „Благодетели" так старались, что все выгонные земли города, загородные дворы и огороды, проезды в лес были распаханы". И народ забунтовал. Бунтует Москва, а там и Устюг, Козлов, Сольвычегодск, Томск. В 1650 году поднимается Псков и Новгород. В 1652 году мятеж снова в Москве из-за медных денег.

Правительство имело достаточно сил, чтобы подавить войсками эти, часто возникавшие бунты. Милости при этом, конечно, никто ожидать не мог. Но особенная жестокость была выказана при подавлении этого „медного" бунта. О нем мне хочется сказать несколько слов, чтобы потом, знакомясь по книгам о жестокостях Разина, читатели могли бы сравнить их с тем, как царь и бояре — „милостиво", „по божьему", а не „бесчеловечно", как Разин, — расправлялись с народом, в большинстве ни в чем неповинном.

Приказно было выпустить медные деньги вместо серебрянных. Деньги эти должны были ходить наравне с серебрянными. Мысль правителя была — пополнить слабую казну. Во главе такого серьезного дела был поставлен тесть царя — Иван Михайлович Милославский. Как почти всякий боярин, он привык в своей жизни хапать и заботиться больше о себе, чем о государстве; привык с гордым презрением относиться к нуждам народа. Теперь, оказавшись так близко к источнику денег, он совершенно потерял голову: близость денег и их власть сделали Милославского с помощниками — фалшивомонетчиками.

Вот как Катошихин повествует об этом: „Возмутил их разум дьявол, что еще не совершенно богаты, покупали медь на Москве и в Свейском государстве и провозили на денежные дворы с царскою медью вместе и царские деньги в казну сдавали, а свои к себе отвозили".

Отсюда они шли в оборот среди народа. Этих фальшивых денег было такое количество, что незаметить было нельзя. Купцы и торгаши с трудом принимали медяки. Налоги брали по расценке серебрянных денег, а платить приходилось медяками. Жизнь дорожала, необходимые продукты питания не купишь. Налоги повысились. Общее недовольство росло, ширилось, захватило простолюдина, мелкий служилый класс и они заволновались.

Начались доносы на правых и виноватых: власти свирепствовали. Пошли аресты, допросы, пытки, где многие оправдывались, по словам того же Катошихина, лишь тем, что „со многих людей, воров, тесть его — царский боярин, да думной дворянин и дьяки и под'ячие имали посулы большие и от бед и от смертей избавляли, а потому — надеясь — и они воровали".

Выведенный из терпения черный и мелкий служилый люд, собравшись в громадном количестве, двинулся безоружный с шумом и гамом, как всякая толпа, в село Коломенское, где в это время находился царь с своей семьей. Поднявшиеся хотели указать царю на виновников бедствий и просить его найти на них управу. Народ еще верил царю и отделял его от бояр. Народ думал, что „милостив царь, да не милостив псарь"; он полагал, что виноваты во всем только бояре и высшая администрация; был убежден, что они обманывают царя, не говоря ему о том бедствии, произволе и безобразиях, что творятся на Москве. Поэтому-то, с полной верой найти защиту против них у царя, огромная народная масса с криками возмущения двинулась в Коломенское, будучи вполне уверенной, что царь, выслушав их, узнав всю правду про бояр, поймет их и окажет им свою царскую милость, накажет виновных и, тем самым, заступится за народ.

Царь и его семья находились в это время в церкви на богослуженьи. Увидев приближение многотысячной ревущей толпы, естественно, были напуганы. Царь, во время предупрежденный боярами из Москвы, уже знал в чем дело. Приказав своей семье и боярам, виновникам этого явления, схорониться в покоях, вышел к народу. Видя громадную, бушующую перед ним толпу, зная, что при нем слишком мало находится солдат для охраны, что он сейчас не может обойтись с ними силой, царь вышел и сам вступил в разговоры.

Прося защиты, народ требовал выдачи им виновников их несчастий — бояр, схоронившихся в этот момент по указанию царя. Это были тесть царя, боярин Милославский, глава фальшивомонетчиков, сокольничий Ртищев и гость Шорин — помощники Милославского в обкрадывании казны и в обмане народа.

Царь увещевал народ успокоиться, обещал все устроить, произвести следствие и наказать виновных. „И те люди говорили царю и держали его за платье, за пуговицы: „чему де верить?" И царь Богом клялся „и дал на своем слове руку и один человек из тех людей с царем бил по рукам" — пишет Котошихин.

Народ соглашался, а царь обещался за это никого из них не наказывать, не велел „чинить ничего" с ними, а только послал к ним для раз'яснения и для успокоения любимого ими князя Хованского. Успокоившись, веря клятве царя, народ пошел домой в Москву. Здесь, по дороге они встречают новую толпу, как видно уже прослышавшую, что вместо расследования в Коломенское вызваны стрелецкие отряды и . . . вера в обещания царя была поколеблена. Соединившись вместе, они снова двинулись в Коломенское, требуя выдачи виновных" (Фирсов).

Царь, отговариваясь, „что он для сыску едет в Москву", но в то же время „видя их злой умысел — говорит Котошихин — и проверив, что стрельцы к нему на помощь в село пришли", забыв про данное слово, забыв про рукобитье с выборными людьми, возмутившись вторичным требованием выдачи виновных, неверием его слову забыв все . . . „закричал и велел тех людей бити, рубити до смерти и живых ловити".

И стрельцы били, рубили, вешали, пытали, жгли, отсекали руки и ноги безоружным людям, „и клали на лице на правой стороне признаки, разжегши железо до-красна, а поставлено на том железе „буки" т. е. „бунтовщик" (Котошихин). Клеймили и тех, у кого уже не было ни рук, ни ног. Многих, со связанными руками, „посадя в большие суды, потопили в Москве реке" — пишет Котошихин.

Дорого обошлось московскому люду это непосредственное обращение народа к царю, эта вера в него, в его клятвенные обещания — защитить их от бояр. Около десяти тысяч людей поплатилось за это головами или отсечением рук и ног.

Я не хочу разбираться в чем именно заключался „злой умысел" народа и в том — насколько был прав, так поступивши, царь. Я только отмечаю происшествие, как факт жестокой расправы с толпой, где „виновных", по уверению Ключевского, было не более 150—200 человек.

Честь царя была защищена, спокойствие восстановлено, но права народа, требования наказания виновных, остались попранными. Безусловные виновники, вызвавшие это несчастное явление, отделались очень легко. „На своего тестя Милославского царь был очень долгое время гневен, а думного человека отставили прочь от приказу, а казни им не учинили никакой" (Котошихин). Так было поступлено с теми, по чьей мысли фабриковались поддельные деньги, под чьим руководством шло ограбление казны и народа, а попутно и глубокое подрывание авторитета царя.

Как ни странно, но царь Алексей Михайлович, вначале своего царствования неладивший с боярами, во второй половине „начал действовать рука об руку с ними, стоя наверху бюрократической лестницы" (Фирсов).

Правда, время от времени, он, желая иметь симпатию в среде народа, делал вид, что интересуется им, что ему тоже дорого его благосостояние, что он болеет его нуждой и что готов за него стоять горой, что он сам возмущается выбиванием палкой средств у народа, негодует на правительственных агентов за то, что те обижают крестьян.

Так он, в одной из грамот, пишет: „Известились мы, что в городах воеводы и приказные люди наши всякие дела делают не по нашему указу, всяким людям чинят насильства, убытки и продажи великие, посулы, поминки и кормы берут многие" (Фирсов). И обещает наказывать виновных.

Но Коломенское событие надломило веру в народе и еще более обозлило его против правящей партии, против приказных людей, воевод и прочих служилых людей. „Враждебное чувство к боярам и другим сильным людям переходило в жгучую ненависть" (Фирсов), готовую вылиться в кровавую месть. Если ко всему этому добавить ту атмосферу подхалимства, прислужничества, желание получить милость у царя или вельможи, а отсюда, как следствие, целую грубую систему доносов и сыска, влекущих за собой возможность попасть в Разбойный приказ, то перед нами станет жуткая картина жизни русского народа в царствование Алексея Михайловича.

Что такое Разбойный приказ и его суд?—Кто только, каких только рангов и за какие только преступления, из русских людей, не оказывались там, где единственное средство узнать всю правду, услышать от вас признание в вашей вине — была пытка ужасная, непостижимо—злобная, ни в какой мере не сочетавшаяся с православием Руси, средство вытягивать из ваших жил и костей эту страшную „правду"—признание, а за признанием, почти обязательно, смерть. Вот как описывает этот застенок один из русских бытописателей:

„В самом деле — говорит он — по дороге на виселицу или на костер и очень, очень редко на волю, через застенок этот прошли тысячи людей за собирание трав, за искажение в титуле царском, хоты бы и невольное, за Иисуса, за непотребное слово какое-нибудь, вырвавшееся в горячем споре и за другие, столь же страшные преступления. И висели тут и старцы дряхлые и молодые женщины в расцвете красоты и юноши и стрельцы и попы и бояре и ведуны и приказные и жиды и татары и сенные девушки и дьяки. Никто и ничем не был застрахован от бесчеловечных мучений этих в Тишайшем царстве, богохранимой державе Московской и шел стон и лилась кровь по бесконечным застенкам ее и денно и нощно".

И народ, в своих песнях, изливает все это в таких словах, вслушиваясь в которые вас охватывает какая-то оторопь:

Зри-ка, жилы тащат,
Чуешь! — кости трещат!
Стали сечь!
— или . . . . . .
Чет ударов палача —
Бьют с плеча!
Сруб—от в мясе человечьем...

И этот бой „чет или нечет", это истязание причинное или беспричинное всех, подведенных под понятие „татей" и „разбойников", их исступленные крики были слышны по всему царству, где были пыточная или губная изба.

Каждый день, „по указу царя и великого государя Алексея Михайловича всея Руси, татей, разбойников пытать во всяк день, не минуя праздников ибо они, для своей татьбы и разбоя лютого, дней не ищут".

Исключение представлялось только для таких дней, как Пасха, Рождество, Троица. Пытали, не доискиваясь причины, побудившей людей совершать то или другое преступление, не желая даже знать— виноват или нет.

Если бы мы могли перенестись в Москву тех времен, то, проходя через площадь, могли бы заметить женщин, зарытых в землю по плечи за „ведовство". Стоят так днями и ждут своей мучительной смерти. Мы услышали бы, как крики истязуемых, резко пронизывая воздух, мешаются с гулом сорока сороков церквей. А под окнами самого царя „великие и малые Руси" мы могли бы наблюдать тоже нередкую сцену, как боярину какому-нибудь заворачивали его богатое одеяние и, порой под наблюдением зоркого взгляда сурового царя из дворца, отсчитывали удары батогами или кнутом „чет или нечет". Боярин этому был благодарен, как вниманию, а простой люд копил злобу в сердце своем.

Вот, в кратких словах, состояние народа Московского царства в первой и второй половине XVII века, когда сами властители часто своими поступками готовили в народе наростание того психологического состояния недовольства, обиды, злобы, стремления найти путь к правде, к возможности добыть и защитить свои права на звание и жизнь человека.

В таком подавленно-озлобленном состоянии находился черный и мелкий чиновный люд на Руси когда там, далеко на юге, в среде свободного казачьего народа, появилась грозная, могучая, незнающая преград фигура Степана Разина.

(продолжение следует)

† Проф. Ф. А. ЩЕРБИНА (ЧСР)

Пережитое, передуманное и осуществленное

(продолжение)

Мало по малу Тимоша стал втягиваться в ту жизнь и среду, от которых в достаточной степени отвык, обучаясь вдали от дома с 9-ти лет, в течение восьми годов в духовном училище и в духовной семинарии. Прежде всего он, как и все мы в семье, стал говорить на том украинском языке, какой господствовал среди станичного населения. Временами он смешил нас неправильным выговором и оборотами речи, но вскоре приучился также говорить, как говорил когда-то в детстве дома. Только встречаясь с отцом Касьяном да с казацкой знатью, он резал „по-московски",

Еще с большим увлечением он отдавался хозяйству и его операциям, чем занималась исключительно мать и что постоянно связывало его с нею. Как работник, он был плохим сотрудником потому, что недостаточно был знаком с хозяйственной областью, не привык к физическому труду и, к тому же, не отличался крепким здоровьем. Тем не менее, он играл роль старшего в семье и мать часто „совітувалася" — по ее выражению — с Тимошей. Само собою разумеется, что Тимоша не столько советовал матери, сколько сам черпал сведения о ведении хозяйства из разговоров с нею, пользуясь ее опытом и знаниями. Тем не менее, бывали моменты, когда Тимоша, неожиданно для себя, являлся ценным сотрудником матери и даже своего рода авторитетом. В моей памяти удержались два случая этого рода очень характерные и колоритные для тогдашней жизни казачьего населения и казачьего духовенства, которое, по своей жизни, мало чем отличалось от казаков.

Как-то, мать и Тимоша направились к довольно неказистой хатенке, находившейся в углу нашего обширного двора. Я с меньшим братом следом побежал за ними. Хатенка была хотя и небольшая по размерам, но состояла из большой комнаты с печью и из тесных сеней с „кабицею". Для нас, малышей, это помещение имело только тогда цену, когда в нем находилась какая-нибудь снедь — огурцы, арбузы, дыни, вишни, сливы, яблоки, груши, терен и др. Мы вошли в хату, но в ней в то время ничего подобного не было, а валялись какие-то лубки, поломанные колеса, ободья, спицы и другие полуиспорченные предметы хозяйства. „Що вони будут тут робить?" — мелькнуло у меня в голове.

— Ось бач, — говорила мать Тимоше, притрагиваясь кое-где рукою и указывая на стены-стеля, піч, двери и вікна — могут ще послужити і поправки тут мало: побанить, почистить, побілить, може кой-де гвіздочок забить—і готово!

— Все добряче; самим можно багато зробить — заметил со своей стороны Тимоша — ходім тепер вибирать місце для лавки.

— Ходім, — согласилась мать, — виберемо і місце. И они вышли из хаты, а мы за ними.

Хата была расположена очень близко, шагах в двух от огорожи в углу, примыкавшему с одной стороны к глухому переулку, а с другой — к обширной площади с церковью в центре ее. Тимоша отмерил пять шагов от хаты вдоль огорожи к площади и сказал: „лавка буде з цього місця, а отут рядом буде калитка, або перелаз."

— А ворота? — спросила мать

— Ворота, — об'яснил Тимоша, — будуть по той бік лавки. Треба, щоб лавка була близче до хати. Ворота зробить отут, — продолжал Тимоша, — отмеривая шагами место для лавки и, в некотором расстоянии от нее, пространство для ворот.

— Добре, добре! — заговорила мать. Треба одгородить ще й дворик. Меня и брата брало нетерпение и мы почти в один голос спросили: „Яка лавка? Відкіля вона візметься?"

— Ні якої лавки ще нема, — смеясь пояснила мать. Це Тимоша придумуэ цю лавку.

Тогда мы пристали к Тимоше с вопросом, какую лавку он придумал. После, я узнал в подробности историю придуманной Тимошею лавки. Однажды, у матери зашла речь с Тимошею о денежных средствах, их недостатке и случайных поступлениях. Мать говорила, что если бы она, как просвирня, получала за просфоры для церкви не 10 рублей, а хотя бы 20 в месяц, то тогда „і горечка було бы мало", хозяйство велось бы, в определенные сроки она наперед знала бы, сколько и когда получать их. Тимоша напомнил матери о приезде из Нахичевани армянина торговца, который предлагал ей выстроить лавку и сдать ему в аренду. Он указал ей даже облюбованное место возле хатки отъ площади, где прекрасно, по его словам, велась бы торговля, благодаря большому движению людей по улице и на площади.

Тимоша советовал матери не упускать из рук это выгодное предложение и построить лавку. Мать возразила, что на это нужны деньги, а у нее их нет. Тимоша находил, что деньги можно взять взаймы, а потом погасить долг арендною платою за лавку. Мать указала на то, что за ссуженные деньги берут большие проценты и что она боится надевать на шею эту петлю. Подумавши, однако, немного, она высказала то соображение, что если уж добывать деньги для постройки лавки, то лучше всего в своем же хозяйстве и что для этого придется продать часть скота.

— Що ж ви, маминько, продасте, коли самі ви ж росказували, з якою жаліcттю ви продали телицю Мазуху і як за нею всі плакали! — говорил Тимоша с явным скептицизмом.

— Крім телиці, — сообщила ему мать, — е ще пара бичків — третячків, куда кращих телиці.

Их можно было бы продать, по мнению матери, но хватит ли вырученных за них денег на постройку лавки.

— Так це ж можна прикинуть и росчитать, скільки грошей треба на лавку.

И начали они вдвоем с матерью прикидывать и расчитывать. Выяснилось, что еще от отца остался в хозяйстве запас досок, столбов, обаполков и др. лесного материала и прикупать придется мало. Хату тоже можно привести в надлежащий порядокъ, без особых расходов, своими домашними средствами. Покроет лавку камышем Явтух, мастер по этой части. Стоимость плотничных работ и покупка разного рода мелочей — гвоздей, замков, задвижек и пр. определена будет при переговорах с плотниками-москалями, с весною прибывшими уже из России в Деревянковку. Прикинул Тимоша с матерью раза два-три для большей точности и остановились они на двух суммах — меньшей от 90 до 100 рублей, и на большей — от 100 до 120 рублей. За быков можно было взять приблизительно такую же сумму денег. Из денег за проданную Мазуху осталось еще 15 рублей и за просфоры за июльскую треть следовало получить 30 рублей. Решено было строить лавку.

Беда была в том, что некому было продать бычков и что бычки, хотя были очень смирные, ручные, рослые и видные, „настощі воли", по словам Охтиана, но „неучені", не ходили еще в возе и не были на работе. Мать, со свойственной ей энергией, немедленно же поручила Явтуху взять бычков „на налигач" и „учить", в чем Явтух был очень опытен.

На другой день с утра Явтух смастерил „карету для бичків", по его выражению, Это была огромная дубовая колода, к которой он прикрепил „вія" с ярмом, а на колоду положил тяжелый молотильный камень, закрепивши его канатом к колоде. После завтрака решено было приступить к обучению бычков.

Явтух открыл сначала ворота, затем привел бычков и стал надевать на них ярмо. Смирные до того бычки заартачились, противясь надеванию на их шеи ярма. Подошел, наблюдавший за вознею Явтуха с бычками, сосед Трохим Хабло, бывший табунщик и мастер об'езжать неуков-лошадей, взятых из полудикого табуна. При помощи Хабла, Явтух надел, наконец, ярмо на бычков, которые безуспешно пытались освободиться от ярма, потряхивая шеями и вытягивая из ярма головы. Мы все были на дворе, следя с живейшим интересом за тем, как Явтух будет учить быков. Был небольшой праздник и многие не выехали в степь. Постепенно начали заходить к нам во двор, проходившие мимо по улице через площадь, казаки, подростки, женщины, девушки и дети. Образовалась небольшая толпа.

Общими силами Хабла, Явтуха и других казаков бычки были проведены через ворота на площадь, таща за собою „карету". Толпа наростала и за двором, но в то время, когда Явтух и его помощники собирались двинуть покорно стоявших бычков через площадь за станицу, неожиданно явился из здания станичного правления дежурный казакъ, франтовато одетый и державший себя козырем.

— Яке таке повне право маешь ти учити неуків на площі? — напустился он на Явтуха. „Повертай назад у двір!" — приказал он.

— Чом же не можна провести бичків через площу за станицю? — вежливо спросил Тимоша дежурного.

— А через те, що не дозволяется: закон на це є! — отрезал с важностью дежурный.

— Дивись ти, який пруткий найшовся! — насмешливо и громко произнесла из толпы какая-то казачка.

— Иш ти!... Задрав ніс у гору та й матушки незамітив шапки не поламав! — сыпала остротами казачка.

— Молчать! — крикнул дежурный — А то арештую!

— Та не вжеж? — рассмеялась казачка. — Який фабрий! Руки до арешту у тебе коротки, бо ти ше й соплі під носом не навчився утирати — не сдавалась неугомонная казачка.

Дежурный видимо не знал, что ему делать и смешался. Толпа весело хохотала. Тимоша посмотрел на мать, а мать на Тимошу и потихоньку прошептала: „не мішайся Тимоша".

Но в это время по улице, идущей к площади, показалась внушительная фигура старого казака с „ціпком" в руках. Дежурный, заметив идущего старика, повернулся и почему-то быстро, не говоря ни слова, направился к зданию правления. Подошедший к толпе старик был станичный судья Максим Анисимович Щерба, казак богатый, разумный, скуповатый и решительного крутого нрава. Высокий рост, осанистая прямая фигура в черной суконной черкесске, с кинжалом на серебрянном поясе, в фуражке с красным околышем и с крепким из кизила ципком в руках, казалось, свидетельствовала о том, что это был действительно казачий судья, умевший постоять за казачьи порядки и смирять как воров и буянов, так и зазнавшуюся казачью молодежь. Увидевши стоявщую у толпы с нами мать, судья Щерба громко поздоровался: „Здравствуйте, матушко! З празником вас!" При этом он снял фуражку и низко в пояс поклонился матери.

— Здравствуйте, Максиме Онисимовичу! З празником и вас! — ответила мать с поклоном, всем известному судье.

— Що це ви тут робите? — обратился с вопросом Щерба к стоявшим у бычков Явтуху и Хаблу, не понимая, видимо, в чем было дело.

— Та це ми почали учить бичків, як бачите — ответил Явтух, указывая то на бычков, то на „карету" — та прибіг із правління діжурний й заборонив учить.

— Повертай, каже назад у двірі.

— Заборонив?! — переспросил с изумлением судья.

— А на мене за те, що я сказала: „чего ж ти матушці не поклонився? — страшенно крикнув: „Мовчать! — прибавила с своей стороны неугомонная казачка при громком хохоте толпы

— А деж той дежурний? — спрашивал судья.

— Чогось поспішно пішов у правленіе — ответил Тимоша. — Коли я його спитав: „Чом же не можна провести бичків через площу за станицю, так він мені одповів, що не дозволяется, на це, каже, е закон. От ми і ждемо, може він закон принесе, щоб я прочитав його" с недоумением говорил Тимоша, не зная ни судьи, ни дежурного.

В толпе снова раздался веселый смех. Судья стоял и о чем-то думал и соображал.

— А ви мабудь будете Тимофій Андріевич? — спросил он Тимошу. — Чув я чув, що ви одмахали чотиреста верстов од Ставрополя до Деревянковки. Оце по нашому, по казачому. Дозволте вітати вас старому Щербі.

Старик подошел к Тимоше и крепко пожал ему руку.

— А ну лишень, козаче, — обратился судья к молодому парубку, — піди до правленія та позови сюди дежурного; скажи йому: „судья Щерба по службі кличе!

Парубок быстро отправился в правление и скоро показалась фигура понуро идущего дежурного. И опять раздался дружный хохот в толпе, при виде обескураженного дежурного. Тимоша с изумлением смотрел на смеющихся, не понимая причины смеха, так как не знал, что дежурный был сын Щербы и что в толпе заранее были уверены, что старый судья, не щадивший молодых выскочек, разнесет и сына.

Судья, увидевши медленно идущего дежурного, помахал на него рукою. Тот быстро подошел к нему.

— Хто тобі, діжурний, приказав, чи станичний атаман, чи ти сам заборонив вчити бичків, отих, що стоять та мабудь думають, який ти розумний, что заступився за них? — спросил судья дежурного.

— Я — процедил сквозь зубы дежурный.

— Я?! Иш ти! — иронически воскликнул судья. — А відкіля ти узнав, що на твій приказ начальство, чи, може, сам царь закон такій встановив? — сердито уже судья допрашивал дежурного.

— Та то я так сам думав? — произнес дежурный, понурив голову.

— Сам видумав?! От так штука! — иронизировал судья. Думають як слід розумні люде, а не такі дураки, як ти! — сердито донимал судья дежурного. „Ступай на дежурство та зарубай собі на носі: „не суйся в воду, не знаючи броду", не ліз не в свое діло, коли тями не хапае в голові. Ти обовязан був привести козакив та помогти з ними вивести бичків через площу за станицю. А ти що наробив? Сам себе осоромив! Чуешь?

— Чую! — ответил дежурный, повернулся перед судьею на каблуках по-военному и отправился за здание правления.

Толпа все время смирно слушала, пока судья учил дежурного уму-разуму, ни разу не раздавался уже смех и когда судья окончил нотацию, из толпы послышались одобрительные голоса степенных казаков: „От суддя, так суддя! Сина рідного не пожалів із-за правди та порядку!"

Щерба пристал в компанию к Явтуху и Хаблу и стал направлять бычков через площадь за станицу. Бычки, хотя и дергали в разные стороны от непривычки, но без особого усилия тянули „карету" и протащили ее шагов на 15—20.

— Та іх не треба й за станицю ганяти, — раздался голос Щербы. — Хай кругом церкви обвезут колоду, та й доволі з них.

Когда бычки протащили „карету" вокруг церкви и подошли к воротам нашего двора, Щерба посоветовал Явтуху распречь бычков, хорошо накормить их и напоить, „щоб пройшов у них чад", об'явил он, а в другой раз, не раньше как к вечеру, запречь их не в колоду, а в воз. К тому времени Щерба обещал снова придти.

Так и было сделано. Щерба явился к нам во двор вечером, когда стоял уже готовый воз с клажей на нем двух молотильных камней и двух мешков с просом. Узнавши, что клажи на возу не меньше 30 пудов, Щерба стал запрягать вместе с Явтухом и Хаблом бычков в воз, которые на этот раз покорно дались надеть на них ярмо.

— Смирна, ручна скотина, — говорил сам себе Щерба.

Бычки, путаясь и недружно напирая на ярмо, потащили воз более или менее сносно.

— А давайте прибавим ваги, — предложил Щерба, позвал одного из группы хлопчиков, сопровождавших воз, поднял его на руках вверх и, проговорив: „мабудь пудів три буде", посадил его на воз.

Поехали снова по площади вокруг церкви. Так хлопчака за хлопчаком, которые кричали: „Діду посадіть і мене на візі!" — Щерба посадил еще несколко хлопчаков, когда бычки были повернуты с площади к нашему двору. Щерба, Явтух и Хабло одинаково находили, что на возу было не менее 50 пудов тяжести.

— Мабудь буде. Шабаш! — заявил Щерба. „Як ви думаете?" — обратился он к Явтуху и Хаблу.

— Та буде! — подтвердили те.

— Хлопці! — скомандовал Щерба пассажирам, послужившим грузом для воза: „Направо кругом марш з воза!"

Дети с шумом и смехом слезли с воза.

(продолжение следует)

В половине ноября выйдет из печати номер 13-й журнала „Ковыльные Волны" с богатым и разнообразным содержанием на различные актуальные темы из казачье—калмыцкой общественной жизни. Журнал можно выписывать, как из самой редакции (7, rue du Chemin — Creux. Joinville — le — Pont (Seine) France так и от всех представителей журнала „Казакия". Цена номера — 5 фр.

А. И. Бояриновъ (Франция).

СЕРПИЕШКИНЫ ДНИ

Серпиешка родился въ мае и бабка — повитуха предсказала ему судьбу тяжелую и печальную: „В мае родился — всю жизнь маяться будет". А когда из церкви принесли младенца с неслыханным и трудновыговариваемым именем Серапиона, мать совсем закручинилась. Было в этом имени что-то вещее, тяжелое и даже угрожающее.

К имени Серапиона, однако, скоро приспособились и переделали его в Серпиена, Серпия, Серпиёшку. Предсказание повитухи тоже не оправдалось. Из Серпиешки вышло существо беспечальное, легкомысленное и веселое.

Была душа Серпиешки вся от ласкового майского солнца, отъ сочной молодой зелени полей, от благоухания цветущих садов, от сверкающего многозвучного разлива Дона, от шири и воли степной.

Хозяйственные солидные люди считали Серпиешку пустяковым и никчемным человеком. Но без Серпиешек, без таких вот легкомысленных, веселых существ, жизнь была бы печальна и угрюма, как лицо без улыбки, как день без ясного солнечного луча, как поле без жаворонка.

Что может быть легкомысленнее этой маленькой птички, без ее неумолкаемого щебета, беспечной суеты по дорогам,—приуныла бы степь и исчезла бы радость с полей. Нет жаворонков — нет и весны и недаром наш народ празднует прилет этих милых и веселых птичек, выпекая из теста их фигурки.

В торопливой походке Серпиешки было нечто тоже птичье. Ходил он, разговаривая сам с собой. Был белокур, сутуловат, роста небольшого. Одет беспечно, в кособоких сапогах. По праздникам гладко выбрит, с казачьей шапкой набекрень. Из-под низко спущенных бровей внимательно смотрели маленькие голубые глаза. Кончик красноватого, загнутого вниз, носа придавил густые, короткие усы. Говорили, что нос Серпионов похож на горчичку и смотрит в рюмку, намекая на пристрастие Серпиона к спиртным напиткам. Во втянутых внутрь углах большого рта всегда гнездилась затаенная улыбка — вот, вот брызнет веселая шутка, остроумный анекдот.

Какое основное занятие было у Серпиешки — трудно сказать. Он был неудачным сапожником и на голубом карнизе его светленького, с соломенной крышей, домика красовалась вывеска — сапог с подписью — С. Петров.

Вывеска раскололась вдоль голенища и половинки от ветра болтались и стучали. На вопрос—почему он не прибьет их, Серпион отвечал: „Придет весна — сростутся". Потом одна часть отскочила, и долго еще другая половина голенища, с носком и с надписью — С. Пе — болталась на карнизе, пока и эта не сорвалась.

Правил свое сапожное ремесло Серпион небрежно, почему и обращались к нему клиенты только в случае крайней нужды.

Занимался Серпион и земледелием: имел коров и волов. Но базы и сараи у него стояли вечно полуразрушенными. Стог лез на улицу и к соседям. Сена до весны не хватало. Телега пела, как разбитая шарманка, а между тем, Серпион был мастер и по столярной и по плотницкой части. Покос у него убирался позже всех, когда трава выгорела и потоптана гуляющей скотиной. Пшеница долго, одиноко, сиротливо шуршала в поле пересохшим колосом.

Серпион был на все руки мастер. Косарь — каких мало. Никто лучше его не мог обкашивать кочки в лугах — стриг косой, как машинкой. Он был и парикмахеръ и мог отлично сделать седло и хомут. Был он и брандмейстером при пожарном обозе. Этим делом Серпион увлекался и на пожаре чувствовалъ себя, как рыба в воде — кричал, командовал, распоряжался и лез в самое пекло.

Все остальное он делал небрежно, спустя рукава, на всякую работу смотрел, как на наказание, а посему спешил отделаться от нее, как можно скорее.

Любил Серпион отколоть забавную штуку, рассказать остроумный анекдот — в этом он был неистощим и рассказывал неподражаемо мастерски. Любилъ веселую компанию, в особенности с выпивкой. Но более всего, как это ни странно, любил театр, любил восторженно и неизменно.

Воинскую повинность ему пришлось отбывать в пожарной команде в Новочеркасске. Там-то и родилось в нем это чувство, когда он, в качестве пожарного, присутствовал на театральных представлениях, а иногда (и это было величайшим для него счастьем) участвовал в спектаклях статистом.

Зимние вечера я нередко проводил у Серпиона. Сидим мы в маленькой кухне—мастерской. Жена его, Филатьевна, вяжет из шерсти чулок; их сын и дочь спят. Серпион починяет или шьет обувь и рассказывает анекдоты или просто врет что-нибудь, но врет умело и остроумно. Я знаю, что он врет, но слушаю с удовольствием. Чаще всего, стараюсь навести его на разговор о театре, что было очень легко сделать. Нужно только толкнуть Серапиона в эту сторону и он, тотчас же, преображался.

Любовно он рассказывал про артистов, имена которых, видимо, запомнил навсегда; каждому давал характеристику меткую и оригинальную. В крохотной мастерской — кухне воскресали передо мною драмы и комедии, виденные Серпионом на сцене. Фигура Иоанна Грозного, Бориса Годунова, „Гамлета, принца Датского" и др. проходили в своеобразном освещении, наивном, но, по своему, художественном. Много, конечно, он в свое время не понял, многое забыл и заполнил содержанием собственного изображения, но общий характер—изуродованых в мелочах сцен—был верен, только приобретал особую пикантность.

В эти минуты Серпион перерождался. Размахивая сапожным молотком-в одной руке и заправленным на колодку ботинком-в другой, произносил он целые монологи, подавал реплики, вскакивал, садился, снова вскакивал... Со звоном падал на пол сапожный инструмент, иногда валилась и посуда.

Особенно же Серпион увлекался опереттками. „Прекрасная Елена", „Корневильские колокола", „Зеленый Остров". С ремешком на голове, поддерживающим волосы, с грязным фартуком спереди, изображал он: то-Царя Менелая, то-Елену Прекрасную. Бросал тогда он и молоток и ботинок, выходил на середину комнатушки и пел:

„Смотрите здесь, смотрите там — нравится-ль все это вам"... Приподнимал грязный фартук, как артистка платье, двигал своими кособокими опорками по полу, как балерина изящными туфельками...

Глаза Серпиешкины вдохновенно светились. Очевидно, кухонька-мастерская в его воображении превращалась в огромный театральный зал, тусклая лампа на столе в море огней, а мы с Филатьевной в блестящую, многочисленную публику, восторженно апплодирующую артисту.

Потный от напряжения артист устал, садился на табурет, нехотя брал ботинок, вертел его, но, видимо, после только что пережитого артистического восторга приниматься за столь прозаическую работу Серпиону не хотелось.

Я это видел, вставал, прощался и уходил. Серпион был несомненно талантлив. Артистический огонек ярко горел в его душе и родись он в другой среде — огонек этот превратился бы в пламя и из Серпиона мог бы выйти большой артист.

Я несколько задержался на Серпиешкиной биографии, но мне казалось нелишним поближе познакомить читателя с этим легкомысленным, но забавным существом, так как впоследствии, мы не раз еще встретимся с ним.

День первый: Серпиешка — домоседка

Рожь у нас начинают убирать еще до Петрова дня, в зависимости от погоды, раньше или позже. В этом году лето было сухое и рожь созрела рано. Все хозяева уже давно уехали на поля, так как рожь — хлеб мягкий и отсрочки не терпит: зерно сейчас же начнет высыпаться.

Серпионова семья, по обыкновению, отстала и крутилась дома. Наконец, решено было ехать в понедельник.

В воскресенье Серпион напился пьяным и явился домой поздно, т. е. собственно не сам пришел, а жена его нашла и привела. Дома он заялил, что ехать на поля завтра не может: во-первых, атаман приказал переменить клапаны у пожарных насосов, во-вторых, много обуви надо безотлагательно починить.

По этому поводу произошла ссора, а потом и драка. Наступающей стороной в таких баталиях всегда была Филатьевна, женщина бойкая, вспыльчивая с монгольским лицом и характером. Серпион же ограничивался только защитой. Причем, как-то так всегда случалось, что сражение у них происходило на песчаной площадке, на улице, перед калиткой. Сцены эти повторялись часто и издавна.

Соседи привыкли и не обращали внимания. И Серапион с Филатьевной совершенно спокойно, никем не стесняемые, возились в песке обыкновенно до тех пор, пока Филатьевна

не устанет. В результате у Серпиона появлялись кровавые царапины, которые заживали к следующей схватке.

Утром Филатьевна решила, что Серпион останется, а она с детьми поедет в поле.—В самом деле, атаман может рассердиться и прогнать Серпиона с брандмейстерского места. Жалованье хоть пустяковое, но постоянное и определенное.

Филатьевна встала, как всегда, рано. Управилась с коровами, накормила свиней, кур, собак, напекла хлебов на поля и приготовила все, что нужно взять с собою. Осталось—уложить все на телегу и с Богом.

Серпион проспал. Голова с похмелья болела, во рту, по его выражению, собаки ночевали. И он ходил по двору вялый и помятый, но с ремешком на голове и с грязным фартуком — хотел показать Филатьевне, что вот де он приготовился всерьез к работе и ждет только от'езда семьи на поля, чтобы за нее приняться.

Скромная четырнадцатилетняя Настя и шестнадцатилетний неуклюжий и шабловатый Григорий, Серпионовы дети, укладывали провизию на телегу.

У телеги оказалось много недочетов— не было чек, занозов, подгорень у ярма раскололся. Серпион связал его веревкой и искал палки, чтобы исправить остальное. Делал все по конец рук — лишь бы выпроводить Филатьевну с детьми со двора. „Доедут — не впервой!“ — рассуждал сам с собой Серпион. В телегу он бросил несколько палок и веревок на всякий случай. Положил и топор.

Выехали со двора, когда солнце уже свернуло с половины дня. Телега заскрипела, затрещала и двинулась.

Бабы-домоседки по слуху знали, кто едет — „Серпиешкины отправились на поля“.

На дворе было жарко, в голове больно, во рту сухо и скверно и Серпион отправился в летнюю кухню. Нашел горшок с сюзьмою, наклал ее в деревянную чашку, налил воды, размешал и, сделав арьян, с наслаждением выпил кисленький, освежающий напиток и с остатним сел в тени, на пороге дверей.

— Здорово дневал, Петрович — послышался чрез забор голос бабки Аксиньи.

— Слава Богу . . .

— Ты один, что-ль? Аль — домоседка?... А Филатьевна где-же, либо на огороде?

— В этом роде, — ответил Серпион.

— Аль в поле?

— Гуляет на воле.

— Ах, избей тебя болячка, толком не скажешь, греховодник... А на усах-то у тебя что, аль молоко, а в чашке никак арьян... Ты с ума сошел — пост, а ты скоромишься!?

— Да ты что, бабушка, раскудахталась? Это мел, а не молоко. От изжога хорошо, с похмелья тоже. На, попробуй.

— Ах ты, безбожник, безбожник... Ну, прости Христа ради.

— С Богом — проваливай, бабушка!

— Что ты говоришь?

— Ничего... прощай, кума — полтину дала.

— Ох, ох, Господи и Господи... ну и греховник, как умирать ты будешь!...

— Ничего, бабушка, умрем, тебя просить не будем.

Серпиону хотелось спать, но он не сдавался. Пошел в дом, открыл в своей мастерской окно и хотел сесть за починку обуви, когда о забор постучали и с улицы послышался голос: „Серпион, отец Сергий, ты дома?!“ „А, чорт тебя принес“ — подумал Серпион — „теперь засядет до самого вечера“.

— Дома, Василий Васильевич, дома, сейчас отопру! — крикнул он, а между тем покопался в ящике, вытащил коленчатый кусок дерева с вправленным в него шилом, повесил эту штуку на крючок под табуреткой, привязал к колену тонкую веревку и незаметно протянул ее к своему стулу. Устроено было так, что шило входило острым концом в маленькое отверстие в сиденьи и, потянув за веревку, можно было уколоть сидящего по желанию — легко или сильно. Устроил это Серпион для надоедливых посетителей.

Одним из таких был и отставной чиновник Василий Васильевич, человек праздный, веселый и выпиваха, живший на маленькую пенсию в родной станице.

— Да ты один, что-ль? — спросил Василий Васильевич, входя в комнату: „Филатьевна либо на полях?... Спровадил, а сам домоседкой — ну и паренек!“...

— Дела много, Василий Васильевич!

— Не допил вчера?

Василий Васильевич сел на табуретку и отечески наставительно продолжал: „Парень ты славный, Серпион и мастер на все руки — только нос у тебя запачканный, водку любишь“.

— А вы нет? Она, должно быть, вас любит.

— Ну, ну, не тебе старика учить. Я прожил свою жизнь, кончаю! А у тебя—дети . . .

Василий Васильевич говорил медленно, лениво, переживая еще сладость послеобеденного сна: „Был у нас, когда я служил в управлении, один писарь — золотая голова“. . .

Серпион дернул нитку посильнее. Василий Васильевич почесался: „Вот проклятые блохи, да как больно кусают!... Да, так вот ищем неделю. Где он пропадает — Бог его знает. А работа важная, экстренная. Было у него, как у тебя, двое детей . . .“

Серпион дернул еще сильнее. Ах, окаянная! — подскочил Василий Васильевич. — Колючка, что-ль, залезла, да как больно колет?!

— А, может, иголка? Дарья починяла и забыла...

— Пожалуй, что иголка, Василий Васильевич, наверное, Дарья забыла.

Василий Васильевич осмотрел себя тщательно, ничего не нашел и снова сел.

— У нас — начал в свою очередь Серпион в тон Василию Васильевичу, тоже в пожарной команде был писарь — дока! Так он любил играть на биллиарде. Замрачится, бывало, дня на два и режется. Ну и играл же... А какой был удар — чистота! Как даст бывало желтого в угол...

Тут Серпион дернул изо всей силы. Шило впилось в тело.

— Ах! — подскочил до потолка Василий Васильевич — ах, батеньки, что это?!

— Игла, должно быть, непременно игла — соболезновал Серпион.

Василий Васильевич ухватился за раненое место и вылетел вон, крикнув на ходу: „Побегу к фельдшеру, пускай вынет!“

Серпиешка упал на кровать, ухватился за живот и хохотал до слез. Насмеявшись вволю, он хотел взяться за работу, но работа валилась из рук. Он вышел на двор, сел на рундучек, кивнул пальцем черному котенку, тот вскочил на плечо, выгнул спину и замурлыкал. Серпион позвал собачку — Мурку, спавшую под крыльцом и заставил ее служить на задних лапках, кланяться и проделывать другие трюки, которым научил ее Серпион. Мастер на все руки—он дрессировал кошек, собак, петухов и пр.

До вечера было еще далеко и Серпион решил заснуть. Вытянулся на крыльце, закрыл от мух лицо грязнум фартуком и скоро захрапел. Спал крепким полухмельным сном.

Сонной была и станица. Ставни и двери закрыты. Ни звука, ни человека, ни животных — точно все вымерло. Казаки и женская молодежь уехали в поле. Старухи-домоседки с детьми ушли на огороды. Солнце жгло до самого вечера. Не дай Бог — искра, спичка,—как порох! Бороться с пожаром некому.

Серпион проснулся поздно, когда по улицам пылил телячий табун. Он открыл двери, впустил своих трех телят и запер их на базке. Двери оставил открытыми для коров, а сам пошел на кухню — готовиться доить.

„Ну, хорошо — бормотал он — Рыжку и Лыску я подою, а вот с Мужичкой — беда: не подпустит мужчину“.

Мужичкой называли чалую корову, купленную у мужика на хуторе. Было это существо странное, нервное, своенравное и с противоестественными наклонностями. Так, например, Мужичка любила пожирать белье. Завидит рубашку, юбку, кофту — подойдет, захватит край и начнет жевать и втягивать в себя. Филатьевна раз вытащила у нее изо рта свою совершенно новую сжеванную кофту. А сколько было неприятностей с соседями — дело доходило до станичного суда. Продать было жалко: уж очень хороша для молока. Она-то и беспокоила Серпиона. Думал он, думал и вдруг лицо его осветилось веселой улыбкой.

Снял он с гвоздя женину старую полинявшую юбку, повертел в руках и надел на себя. Посмотрел в засиженное мухами зеркало и рассмеялся: недурно. Напялил кофту — еще лучше. Платка не нашел. Взял старый фартук, сложил его вдвое и повязал на голову. Поглядел в зеркало — чудесно! И захохотал: на него смотрела устатая бабья фигура, смешная и почти страшная.

Про доенье коров Серпион уже забыл: его увлекала придуманная им затея. Он вертелся перед зеркалом, приподнимал кончиками пальцев юбку, шлепал кособокими, корявыми опорками, приседал и пел:

„Смотрите здесь, смотрите там—нравится-ль все это вам“.

Потом, ответив самому себе:

„Смотрю туда, смотрю сюда—не годится никуда"—взял дойник и отправился на баз. Рыжая и Лыска удивленно, но довольно спокойно встретили Серпиона, но Мужичка фыркнула, повернулась боком и насторожилась. В глазах ее сверкали недобрые огоньки. Серпион к ней, она от него к плетневому забору; снова повернулась боком и напружинилась.

— Стой, мужицкая морда! — крикнул Серпион. Мужичка с испугу заревела и ринулась. Она проломила дряхлый плетень и помчалась по улице. Серпиешка за ней. Молоко его уже не интересовало. Как артист, он увлекся им же сочиненной сценой и вошел в роль.

Серпиешка кричал во все горло, гремел ведром. Испуганная корова мчалась вперед. Серпиешка за ней, держа подол юбки на отлете и шлепая опорками. Высыпавшая из дворов детвора неслась за Серпиешкой.

Бабы побросали доить коров. Хохот, крик стояли по улицам станицы, по которым мчалась до смерти напуганная корова, Серпиешка и гогочушая детвора.

Кончилось тем, что телята повысосали коров. Многие семьи остались без молока и ругали на чем свет стоит „окаянного" Серпиешку.

Николай Келин (ЧСР)

Не пойду на Северъ — нет туда дороги,
Все тропинки в степи заросли травой,
Потускнели очи, исходились ноги,
Гаснет вера в серце, нет воды живой. . .

Жизнь поворотила к Родине спиною,
Обростает мохом чахлая душа,
Забываю дом мой — дом мой над рекою
В зарослях тугого друга — камьша.

7. VI. 1936

* * *

Суровый, мрачный и тягучий
Несется благовест в поля. . .
В стране война! Свинцовой тучей
Над Доном никнут тополя.

Над степью тихие пожары,
В тяжелом пурпуре леса,
Московской власти янычары
Схватили Дон за волоса.

Восток в огне и сизом дыме
С врагами бьется за Завет.
Донская Воля стынет, стынет
На много долгих, долгих лет. . .

Но час придет — мы скинем цепи,
В кулак сжимается рука —
Нельзя сковать Донские степи,
Ни уничтожить Казака! . . . 8. IV. 33

* * *

Сквозь дымы туч, сквозь явь и сон
В туманной мгле плывет луна,
Над миром тьма, сковала Дон
Незримой цепью тишина.

По над водой шуршит куга
О прошлых днях, о днях былых;
Свинцовой лавой в берега
Гремит призыв валов седых.

Не спит река. Тревожен час,
Бурлит вода у переправ,
Где ждут гребцы, в который раз
Глядеть в глухую тьму устав.

Сквозь дымы туч, сквозь явь и сон
Им слышен плеск могучих крыл:
Из дальних стран на Тихий Дон
Летят полки несметных Сил. . . 28. VII. 34

П. КОВГАН (Польша)

Как в Манджурии сажают казаков на землю

„Поселение на землю" для казачьей емиграции всегда было важным вопросом и стоило только заговорить о поселении, как казаки в одиночку и целыми группами устремляли свои взоры туда, где предполагалось поселение. Поэтому, ничего неожиданного нет в том, что вопрос о возможности поселения на землю в новообразовавшейся Манджурии вызвал живой интерес не только в самой Манджурии и вообще на Дальнем Востоке, но даже и среди казаков, живущих в Европе.

Общеказачья Станица въ Харбине вопрос поселения на землю пыталась провести самостоятельно и образовать в Манджурии вольноказачье поселение, с собственными казачьими школами, собственной администрацией и проч. Эта инициатива казаков вызвала отпор со стороны местной российской общественности, в лице генеральской черносотенной эмиграции. Против вольных казаков были предприняты активные шаги, как-то: всевозможные клеветнические наветы, обвинения в большевизме, доносы в японские сферы . . .

Так, провалив казачью акцию, русские генералы и отцы духовные взяли поселенческое дело в свои руки и наладили его по старо-российским поселенческим традициям. В результате различных ходатайств, при поддержке небезизвестного на востоке атамана Семенова, образовалось „Бюро Российских эмигрантов", которое оффициально возглавляется русскими генералами, а фактически г. Никомура.

Это самое „Бюро" и получило в свои руки монопольное право в проведении поселенческого дела и в деле устройства российских эмигрантов на всяческие работы. Все остальные эмигрантские организации принуждены были перейти на полулегальное существование и потеряли свое значение.

Таким образом, во главе поселенческого дела, которое вызвало живейший интерес среди всей трудовой дальневосточной эмиграции стал . . . генерал Бакшеев, который взял себе в помощники другого „земледельца" . . . бывшего палача у барона Унгерна полковника Тирбаха.

Место для поселения японцы отвели на реке Чел, среди гор Хингана. Это—пустынный район, отстоящий от железной дороги на 200 верст. Земля здесь малоплодородная, поросшая диким кустарником, никогда никем необитаемая. Климат холодный настолько, что пшеница не созревает, плохо растет даже трава. Пустопорожние земли, находящиеся вдоль железных дорог хоть и плодородны, оставлены японцами для своих колонизаторов.

Но желание сесть на землю и завести собственное хозяйство и, таким образом, вернуться к потерянному образу жизни, среди казаков настолько велико, что стоило только об'явить, как сразу записалось целых 200 семейств, преимущественно забайкальцев, привыкших к суровому климату Забайлья. Кроме того, одним из притягательных моментов было и то, что японцы субсидировали каждую семью 500 золот. иен что составляет достаточную основу для заведения первоначального хозяйства.

Но роковая рука русских генералов оказала и тут свое „творческое" влияние: отправляя первую группу, ген. Бакшеев об'явил, что пособия и инвентарь они получат на месте, куда они обязаны следовать под командою ген. Тирбаха. (К этому времени Кирилл I произвел его в генералы).

С большими трудностями и лишениями добрались наши поселенцы до отведенного места в последних числах апреля 1935 года. В то время, там еще стояли холода, кустарники были скованы льдом и снегом и по пустыне выл и гулял морозный ветер . . .

Как только поселенцы достигли реки Чел и остановились на берегу, где предполагали заложить селение, раздалась команда: „Стройся!". Все мужчины, женщины и дети выстроились. Раздалась другая команда: „На колени! . . . На молитву-у-у, шапки-и-и . . . долой!" Держа в руках икону Богоматери, Тирбах сотворил вслух молитву.

После этой церемонии, ген. Тирбах держал речь, в которой благодарил Манджу-Ти-Го, японцев и об'явил, что отныне он является начальником сего военного песеления и что его приказания должны без рассуждений исполняться, а непослушание будет рассматриваться как нарушение военного устава и виновные будут наказываться вплоть до сечения розгами. Для удобства управления, жители „поселения" были разбиты на отдельные „отряды" и во главе каждого отряда был поставлен Тирбахом старший, ответственный за своих подчиненных.

По заготовленному плану, участок для поселения разбили на части с передней и задней линейкой, по образцу военного лагеря. Посередине площади отвели место для церкви и на четырех колышках укрепили икону Богоматери. Тут же, рядом, вырыли землянку для начальника поселения ген. Тирбаха и его штаба, а у дверей воодрузили флаг Манджу-Го и старый русский трехцветный. По сторонам, вдоль линеек, вырыли землянки для поселенцев, в которых вместили по нескольку семей в каждую.

Но лошадей и инвентаря еще не было, за искючением тех, которые были даны для доставки вещей поселенцев. Только спустя месяц, поселенцам выдали 4 старых плуга, 2 бороны и 5 старых лошадей.

Оказалось, что ген. Бакшеев, вместо того, чтобы пособие, выданное японцами, раздать поселенцам на руки, или там же, в Харбине, купить новые инструменты и земледельческие орудия, послал своих людей . . . закупать в китайских селах старый хлам за бесценок, старых лошадей, худой и старый скот, старые плуги и бороны. Цены на них, конечно, ставились как за новые, а иногда и гораздо дороже. Такая операция, конечно, потребовала времени и поселенцы на первую весну остались почти без посева потому, что во время не были доставлены инвентарь, семена и тягловая сила.

Другим, не менее замечательным мероприятием ген. Бакшеева и Тирбаха нужно считать то, что они, не довольствуясь крупным заработком на разнице старого и нового инвентаря, на разнице цен годных и негодных животних, объявили, что . . . собственности нет, что все имущество суть общее, так сказать, колхозное.

Ген. Тирбах выработал такой „устав внутренней жизни" колонии: под'ем — в 6 часов утра; время выхода на работу — 7 часов; обед — в 12 часов; до 2-х часов отдых; с 2-х до 6 работа. Ужин — в 7 часов. С 8-ми до 9—словесное занятие и игры. В 9 часов вечера на передней линейке перекличка, общая молитва и оглашение приказа на завтра. После „Боже, Царя храни" лагерное население отпускается на сон.

В таком монотонном порядке проходит 6 дней. На 7-й день утром раздается трубный звук и все население собирается вокруг иконы, раздается команда: „На молитву, шапки долой!" и ген. Тирбах начинает „Господу помолимся". После обедни — „На-а-а-кройсь!" и начинается чтение тирбаховских нотаций законопослушному населению.

Так, на территории Манджурии, в оторванном от мира пустынном уголке, среди отрогов Хинганских гор, полусумасшедим ген. Тирбах, бывший палачем у другого сумасшедшего — барона Унгерна, образовал из несчастных казаков аракчеевскую колонию и измывался над душой и телом поверивших ему людей. Несчастные поселенцы волком воют, но не имеют сил вырваться из белой каторги на волю.

К довершению всего, весьма плохо обстоит и вопрос продовольственный: хлеба вообще нет, выдают по фунту на день на семью какой-то паршивой муки — смесь пыли и мякины, из которой никак нельзя испечь хлеба. Дети поселенцев изнурены недоеданием. Нет сомнения, что для продовольствия поселенцев отпускаются средства, которые, вероятно, застрявают в карманах генералов, живое дело-устройства трудовой эмиграции на землю·превративших в новое „белое дело".

Для полной характеристики атмосферы, достаточно привести тот факт, что 18 ноября 1935 года генерал Тирбах был убит и сожжен, что повлекло за собою новую волну сыска, арестов и допросов среди поселенцев.

Но как ни отдалено это поселение от мира, как ни принимаются заинтересованными кругами меры против распространения по эмигрантскому рассеянию слухов о жизни на реке Чел, правда не осталась под спудом и ныне о кошмарах из жизни поселенцев ходят целые легенды.

Результатом всего этого было то, что в следующий набор поселенцев—в 800 человек—охотников уже не нашли.

Прибытие „останков" ген. Тирбаха, торжественная встреча и похороны его, окончательно подтвердили все нехорошие слухи о жизни поселенцев. Дальнейшее развитие дела поселения на землю казаков в Манджурии остановилось, его можно считать уже похороненным. Интересным остается вопрос — удастся ли всем членам первой группы благополучно выйти из того тяжкого морального и материального положения, в какое они попали исключительно благодаря покровительству русских черносотенных генералов, в жадные руки коих попало такое важное дело для трудовой эмиграции, как поселение на землю.

В. Т. ЕРЕМЕЕВ (Польша)

Скорбные мысли и вопросы

16 мучительных лет прошло, как казаки ушли в эмиграцию. Каждый из них, от начала до последних дней пребывания на чужбине, живет надеждой — вернуться домой вольным человеком. Трудно убедить кого-либо, что на чужой стороне легче живется — никто еще не покинул мысли увидеть Родимый Край, хотя бы полуразрушенным, но вольным. Тоска по родине так велика, что незаметно для каждого она переродилась в наивысшую мечту, об'единяющую всех казаков в одну великую семью.

Стоит только встретиться двум казакам совершенно незнакомым, которые в условиях нормальной жизни у себя не обратили бы, может, друг на друга никакого внимания, как сейчас же начинают взаимно сыпать вопросы; подсознательно чувствуется общность тоски по дому. Сходятся такие люди, как родные братья, потерявшие одну и ту же Матерь-Родину. Казалось бы, что, болея одной и той же мыслью об утраченном, просто в силу самой необходимости жить, должны както, казаки сообща сговориться и принять общий план действий. Положение эмигранта требует взаимной поддержки. Бесправное, тягостное, полное лишений, ставит оно не раз его втупик: „Как жить, когда нет ни откуда помощи, слова утешения?"

Только общими стремлениями, путем взаимной поддержки и полного понимания выгоды, выходящей из благоустройства налаженной организации, можно дойти до сносных условий жизни и нормального развития культурно политического об'единения. Все это так просто и понятно, но как присмотришься ближе, как представляется жизнь эмигранта на самом деле·грустно становится на душе!... После радостной минуты первой встречи, чувство это уступает место какому-то подозрению. Приходится признаться, что в ухудшении своей недоли сами себе вредим.

В Польше многие терпят нужду. Несколько раз поднимался вопрос об организации рабочих артелей из эмигрантов — казаков для обеспечения работой нуждающихся. Представлялась даже возможность развернуть план артельных работ в широкие размеры. Нашлась материальная помощь со стороны Международного Присутствия, но, к несчастью, руководство организацией оказалось в недобросовестных руках и казачье дело рухнуло, не принося никакой помощи казакам. Осталось недовольство и разочарование.

Однако, неудача, постигшая казаков, послужила-одновременно-и связующим звеном для обиженных. Многие начали встревоженно цепляться за каждую возможность, чтобы контакт, налаженный между собой, не потерять. Вольноказачья мысль при этом быстро нашла свое применение. На местах начали организовываться волноказачьи кружки. Дух снова поднялся у казаков, появился большой интерес к казачьей прессе и к организационной жизни своих братьев в других странах. Но и тут очередная неудача подстерегала казаков!.. Начавшийся в 1935 г. раскол в вольноказачьем центре, широко распространился на массу, вызвав-в ее среде-сильное брожение.

В условиях бесправия и отсутствия дисциплинированности, каждый казак по своему комментировал события и создавшееся положение. Поэтому, на первом окружном с'езде в Белостоке, при наличии вполне достаточного количества участников, царила неуверенность. Несмотря на то, что с'ездом была выражена солидарность с тогдашним Временным Центр. Правлением в Братиславе, все же доминировало пожелание невмешательства „во внутренние дела центра". (!? Ред.).

Независимо от самого факта большого раскола в центре, г. Билому ставилась в вину его индиферентность по отношению к расширяющемуся вольноказачьему движение в Польше. Казаки, здесь, с большим трудом сколачивая свою родную организацию, были предоставлены, вначале, самим себе и перед созывом Окружного С'езда получили только от Вр. Центр. Правл. из Братиславы моральную поддержку.

Постепенно казакам становилось очевидным, что раскол там „где-то" совсем не носит случайный и временный характер и что он углубляется по всей вольноказачьей эмиграции Настало время решать вопрос принципиально: как и какими

способами могут казаки добиться осуществления идеи Казакии.

Для всех стало ясно, что их организациям грозит большая опасность со стороны внутреннего раздора, распространяющегося из центра на периферию. Раздались голоса, призывающие к примирению. Постановления и запросы затрагивали престиж двух параллельных центров.

Благодаря странному и непонятному отношению к каз. с стороны г. Билого, росло к нему неприязненное отношение. Наконец, г. Билый постановил решительно приступить к „пересмотру" сил, игнорируя намеренно всех тех вольных казаков, которые участвовали на первом Окружном С'езде.

Чтобы установить прочную для него местную „власть", взоры его были направлены в самую глухую и отдаленную часть Польши, в новый район, в котором проживали казаки, мало что знающие о Вольном Казачестве вообще, а тем более о делах и людях его центра. . .

При помощи энергичного своего бывш. сотрудника г. Штовханя, удалось ему собрать несколько человек, поверивших в его силу. Два раза надо было приезжать Билому лично в. В., чтобы добиться легализации ВК округа из „своих людей" в противовес фактически существующему округу. Создалась удивительная,ситуация: два округа одного и того же идеологического направления с одинаковыми практическими значениями, но действующие и живущие независимо один от другого!

Со стороны членов старого округа, впервые начали раздаваться голоса о координации работы двух округов, указывая, при этом, на ненормальность и вредность неприязненного отношения.

Проявляя свою инициативу, мне пришлось войти в связь с г. Штовханем и путем письменных переговоров установить общие положения по вопросу общей и солидарной работы во имя пользы идеи. Новый округ, в лице г. Штовханя, видимо был склонен к об'единению двух округов в один, но руководящий им центр (Б.) ослаблял это желание. Вначале удалось даже сговориться над упорядочением самой техники внутреннего распорядка. Осталось только с'ехаться и лично довершить дело об'единения.

У пишущего эти строки, была и есть на душе, только мысль о благополучии вольноказачьей организации в Польше, где открывается широкая возможность развития нашей национальной идеи.

Чтобы установить реальный контакт можно и должно было расчитывать на отзывчивость и честное отношение (Пишущего эти строки ред. „Казакии" своевременно предупреждала, что именно такого отношения со стороны б-цев быть не может. Ред.) к идее запрашивавших. Но из хорошего желания осталось (который раз! ?) только чувство недоверия и разочарования.

Неудача за неудачей, как черные тучи, преследуют казаков! Что-то, где-то испортилось. Отношения натянулись. На задаваемые вопросы получались неясные ответы. Много важных вопросов осталось нераз'ясненными;несмотря на мои настойчивые повторения, не удалось выяснить тайну нового округа. Нужно судить, что г. Штовханя что-то держит и наверно крепко, что мешает ему чистосердечно и добросовестно поговорить со своими братьями.

Я искал лучшего выхода из создавшегося „тупика" и, может быть, ошибся, ища в новом округе, а в особенности в лице г. Штовханя, приятеля и поборника вольноказ. идеи. В этом моем желании нельзя усматривать ни преступления ни желания кому-либо „изменять". Тот, кому дорога вк. идея, кто бескорыстно подходит к ее пьедесталу, тот всегда будет утверждать, что раз'единенное существование двух округов не принесет пользы делу.

Считая свою миссию, по делу об'единения округов, законченной, ставлю публично г. Штовханю откровенные вопросы, требующие раз'яснения для благополучного существования вк. организации:

1. Почему при созыве Окр. С'езда в Варшаве не были приглашены делегаты от вольноказ. организаций в Белостоке, Райгороде, Милееве и иных, хотя вы об их существовании знали, а ограничились только некоторыми и свежеиспеченными группами и зачем была допущена такая поспешность в созыве?

2. Почему на неоднократные просьбы — прислать копию статута для легализации, фактически давно существующих вк. организаций, просьба осталась неисполненной?

3. Зачем Вы, как редактор журнала „Каз. Воля", нарушили свое обещание работать исключительно для идеи, а не для личностей, как напр. для Билого, отнимая таким образом, возможность идейного сотрудничества с Вами?

4. Почему на просьбу белостокских вольных казаков Вы не можете прислать журнал „ВК", а украинцам, в том же городе, можете?

За исчерпывающие ответы буду благодарен. Чем окончится наша очередная неудача, пока последняя, — покажет время. Будем терпеливы.

Из жизни вк. станицы в Южине (Фр.).

Считаю нужным сообщить в редакцию „Казакии" о делах нашей Южинской ВК Станицы. Еще весною, стало известно, что к нам, в Южин, по приглашению Грошева, приезжает, сам „Походный Атаман" Билый. Узнав об этом, станичный сбор предупредил ат. Грошева, чтобы он, без разрешения сбора, никого именем станицы не приглашал. Такое законное предупреждение, видимо, было истолковано им как враждебная выходка по отношению к Билому и последнему донесено. Словом, Билый к нам не появлялся.

Через некоторое время было получено письмо от Ленивова, что он приедет в Южин читать доклад. У некоторых казаков станицы зародилось опасение, как бы Ленивов не попал к Грошеву и не подпал под влияние его жены, ярой противницы Казачества, но хитрой и замкнутой женщины. К сожалению, такое опасение полностью оправдалось. 3-го мая приехал Ленивов и сразу попал к Грошеву, как тесный друг семьи. Приглашение на его доклад было послано не всем членам станицы: хотели скрыть. Но некоторые члены станицы, почуявшие что-то неладное, решили непременно найти Ленивова и послушать его. Пошли искать и нашли его в одной частной квартире. Первая часть его доклада (о международном положении) была уже окончена, что нас и не интересовало. При нас, он начал говорить собственно о делах ВК. Тут-то Ленивов нам показал всю свою „натуру", — не моргнув глазом, понес такую околесину, что все мы были ошеломлены такой его развязностью, чтобы не сказать больше. Ленивов нам говорил: Билого уже признали шесть великих держав; шесть виднейших казачьих генералов ему подчинились и работают с ним; под его начальство стали и благословили его также несколько священников. Дело ВК принимает серьезный оборот. Билый сейчас производит огромную дипломатическую работу, ему часто приходится ездить в Лигу Наций, чтобы перед ней защищать право ВК. Поэтому, ему некогда раз'езжать по провинции. Он не может приехать в Южин и т. д.

Мы его слушали, но нам самим было стыдно за такое его очковтирательство.

После этого Ленивов перешел к третьему вопросу. Таким вопросом оказался, к нашему удивлению, перевыборы правления Станицы. Оказывается, Ленивов и председателствовал на этом „сборе" (Мы и не знали о том, что старое правление сложило свое полномочие и о причине этой отставки не знаем и до сих пор). Приступили к перевыборам. Ленивов предлагает назвать кандидатов в Атаманы. Все названные кандидаты отказались от баллотировки. Тогда Ленивов, не долго думая, назначил своей „атаманской властью" временное, на два месяца, правление станицы в составе: станичный атаман Козлов, он же казначей, помощник атамана и писарь Большов. Втечении этих двух месяцев, Ленивов обещался подумать и распорядиться — как быть дальше с нашей станицей. Так распорядившись, Ленивов уехал.

После от'езда Ленивова не прошло и десяти дней, как местная французкая власть дала знать, чтобы станица выбрала новых, ответственных перед властью, лиц. Дело в том, что бумага об утверждении старого правления станицы еще лежала в мэрии, между тем это правление, по неизвестной нам причине, подало в отставку на „сборе", где председательствовал Ленивов. Таким образом, станица оффициально осталась без правления.

Тогда назначенное Ленивовым Правление, не дожидаясь распоряжения „Окружного Атамана", вынуждено было созвать сбор, чтобы избрать законное правление станицы. 21-го мая такой сбор состоялся, который, большинством всех голосов против двух, избрал Атаманом Станицы ст. Кравченко, а Помощником и Писарем станицы ст. Орехова.

Тут-то Ленивов, обнаружил свой подлинный лик. Узнав о состоявшихся выборах Правления, Ленивов прислал письменный разнос своему назначенному Атаману Козлову, исключил из списка округа ст. Орехова и приказал: Кравченко не признавать Атаманом Станицы, а для верности поручил ст. Бочарову расформировать Станицу, а на место ее создат хутор имени Ермака.

Атаман Станицы Кравченко немедленно, 14 июня, созвал сбор Станицы и на нем, в качестве единственного вопроса, было поставлено это удивительное „распоряжение" Ленивова. Сбор единогласно постановил: станица, как была, так и будет, несмотря ни на какие сумасбродные распоряжения. Если кому это не нравится, то пусть убираются куда им нужно. Копия этого приговора сбора была послана и Билому и Ленивову, но оба они, в данном случае, оказались глухими-никакого ответа не дали.

Новое Правление Станицы утверждено местными французскими властями. К сожалению, несмотря на единогласное решение сбора станицы, два человека — Грошев и Бочаров— не сдали, новому Правлению, станичных дел: книгу постановлений, печать, устав, а также приходо-расходную книгу станицы со всеми имеющимся деньгами. А казаки говорят, что все это они отослали Ленивову. Вероятно, за такой их „подвиг" — ограбление своей станицы — Ленивов в журнале „ВК" № 199 благодарит Грошева и Бочарова за их „непоколебимость".

Какая жалкая роль, какая глупая радость! . . .

Впрочем, Ленивов имеет причину радоваться: вся здешняя русская колония выражает ему и его подручным свою искреннюю благодарность и открыто говорит: молодцы, что с'умели втиснуть в эту проклятую станицу своих людей и посеять там семя раздора.

Мы все же думаем, что радость Ленивова, как и радость русских, преждевременны. Станица в Южине жила, живет и будет жить, воодушевленная высокой идеей освобождения родного Казачества, на радость нам, на страх врагам.

Да здравствует Казачество! **Донец**

Фактами против тенденций

I.

Станичниками — Букину, Евсееву, Билоусу, Кривцову, Евсюкову, Кошкодаеву и особо приглашенным: Сурмачу, Дейнеге, Сорокину, Вербе и и. о. писаря-Черному.

Ваш ответ на постановление Ц. П., опубликованное в № 14 „Казакии", является такой наивной демагогией, что на нее и отвечать не стоило бы, если бы в нем не было кое-каких утверждений, слишком расходящихся с истиной.

В своем ответе вы утверждаете, что оппозицию создали, в первую очередь, ст. Балинов и Балыков. Расчет на самолюбие казаков очень и очень наивный. „Вот, мол, вас обвели два калмыка вокруг пальца!" . . . Эх, братцы, неужели вы думаете подобными аргументами, которые к тому же не отвечают действительности, внести разлад в наши ряды, спаянные трехлетней работой бок-о-бок? . . .

Если бы вы обратили внимание на то обстоятельство, что за три года не было случая, чтобы хоть один человек из нашей группы активных работников перешел к г. Билому, то вы напрасно не тратили бы чернил и бумаги.

Неужели и до сих пор вы не поняли, что „оппозицию" создал только Билый. Обратите внимание хотя бы на свой округ. Кто его разложил? Да, конечно, Билый! Пока он не ездил к вам и не вмешивался в дела вашего округа — все было у вас в порядке, но стоило только Билому заехать к вам и показть себя, как началось разложение. Недаром же один из вас после от'езда Билого воскликнул: „Если бы он не приехал, я и дальше продолжал бы рвать горло за этого типа! . . ." А уж к вашему-то округу Балыков и Балинов не имеют никакого отношения.

Желая наглядно доказать то, что „оппозицию" создали калмыки, вы приводите „письмо Безуглова", как председателя Вр. Ц. П. отъ 7—I—1934 года, из которого цитируете: „Допускаю, калмыки зарвались—не в жалованьи дело, просто заелись на хлебах у Гната и захотели иметь большее влияние"; далее: „Ты пишешь, что борьба с Билым ведется ложью и провокацией . . . — может быть и есть что, народ многоголовый, за всем не уследишь"; далее: „заявляю, что я даже материал для журнала перед выпуском наполовину не читал, — а оттуда надо бы много всякой х . . . выбросить! Но пусть ребята учатся, — на ошибках учатся".

Категорически заявляю, что я такого письма никогда и никому не писал и не понимаю, как у вас хватило совести, так-таки, взять и приписать мне чужое письмо. Он было, видимо, написано Ив. Ив. Колесовым. Если Ив. Ив. Колесов находил нужным выбросить те или иные материалы, то это был личный его взгляд, но редакция состояла, все время, из трех лиц и все вопросы решались законным большинством. Кроме того, будучи все время занятым службой, И. И. Колесов никогда активной роли не играл. Помимо состава редакции, за содержанием журнала следило и ВЦП.

Ввиду того, что письмо вы приписали мне, как Предс. Врем. Центр. Правл., а писал его другой человек, то оно теряет то значение, которое вы хотели ему придать.

Дальше следуют выдержки из писем, которые, действительно, были написаны мною и за которые никогда краснеть не буду.

„Личность Билого для нас должна быть безразлична, важна идея и наша обязанность — исполнять беспрекословно все директивы ЦЕНТРА".

Вполне согласен с тем, что я написал в 1932 году и сегодня. Но вы, братцы, забыли об одной вещи — подчиняться Центру, т. е. тогдашнему Центральному Правлению, а не одному Билому. Это Центр. Правление, как только большинство членов в нем оказалось против него, Билый распустил. Почему же вы об этом умолчали?

Далее я писал: „С И. А. Билым я сталкивался очень и очень мало, а посему о его характере судить могу только по словам с ним близко знакомых людей". Мне остается только пожалеть, что мало знал личность Билого. В конце 1932 года покойный Т. М. Стариков был у меня в Братиславе и очень детально ознакомил мена с личностью ред. Билого. Зная порядочность покойного, я только тут понял какой антиморальный человек Билый.

Лично я никогда от Билого не получал ни на организацию, ни на поездки ни одной копейки, предпочитая, в этих случаях, тратить свои. Поэтому никто не может меня обвинить в каких-либо корыстных целях. Ошибаться же в людях свойственно каждому и я публично признаюсь, что раньше, воспринимая г. Билого, как порядочного человека, ошибался на все сто процентов.

Вы пишете, что „Югославянский округ два раза осудил оппозицию, ознакомившись с материалом, полученным от оппозиционеров". Нет ничего удивительного потому, что вы просто оказались достойными учениками И. Билого и преподнесли этот материал в таком виде, что делегатам ничего другого не оставалось. Даже вот-в своем ответе-вы чужое письмо приписали мне и на нем построили целый ряд обвинений против всего нашего крыла.

Нет, братцы, драть горло, еще не значит быть правым, тем более, если это еще и оплачивается монетой. Это получается вроде слез наёмных плакальщиц на похоронах богатого купца. Вы вот попробуйте поработать в такой обстановке, в какой работаем мы и тогда мы скажем „да, это-действительно бескорыстные работники за идею". А то вся ваша работа, господа белградские биловцы, выражается только в очередных пасквильных постановлениях против „оппозиции" и выражениях верноподданических чувств Билому . . .

Вот г. Букин взывает к нашей казачьей чести, а спрашивается — имеет ли он на это право? Принес ли он жертву на алтарь казачьего отечества? Нет, потому что был слишком молод, но тогда и не имеет он право взывать к нам, израненным бойцам за Казачество, на деле доказавшим свою любовь к Казачеству и, если понадобится, то мы снова, не задумываясь, пойдем биться за лучшее будущее—за Казакию.

Даже здесь, будучи в семье казачьих националистов, едва ли г. Букин много понес жертв, если судить по отзывам знающих его людей. Как будто даже наоборот. . . .

II.

Еще в 1933 году г. Билый, почувствовав назревающее недовольство среди активных работников ВК движения, старался всеми силами изобразить виновниками всего ст. Балинова и Балыкова и, тем самым, отвлечь внимание вольных казаков от своей персоны, превратив так наз., „калмыцкий вопрос" в отдушину. Только с этой целью, вопрос был им искусственно вызван и раздут, для чего Билый усиленно рассылал всем видным вольным казакам письма, обвиняя калмыков в „измене" и прочих злодеяниях. Говорят, что лучший

способ защиты — переход в наступление. Этим принципом, как раз и хотел воспользоваться редактор „ВК“, не пренебрегая, при этом, никакими средствами. Давно всем известно, что для Билого все средства хороши, лишь бы избавиться от непокорных сотрудников. Но оказалось, что на этот раз его способ солгал и половина вольных казаков, вполне уместно, Билому не поверила и решила начать борьбу с ним за упорядочение Вольно-Казачьего движения, чтобы, хоть наконец, избавиться от источника постоянных скандалов и разложения.

Увидев, что „калмыцкий вопрос“ подвел, Билый уже кинулся в борьбу со всеми генеральными фигурами тогдашнего ВК, пользуясь материальными средствами, бывшими в его распоряжении. Началась травля не только калмыков, но и вообще всех тех, которых нельзя было купить и которые успели увидеть подлинный отталкивающий лик Билого. Вот вся подлинная и краткая история возникновения и развития конфликта. Само собою разумеется, что этот конфликт имеет почти непрерывную связь со всеми предыдущими многими конфликтами в центре ВК, которые неизменно вызывались Билым.

Трехлетняя работа, сначала Врем. Цен. Правл., а потом и Центр. Правления, показала, что, при наличии жертвенных и любящих свое казачье отечество работников, можно делать большое дело восстановления казачьего независимого государства.

Больше всех, это почувствовал Билый, который всем вк. внушал мысль, что только он, единственный, может работать и вести дело, хотя большая часть его работы заключается в устройстве периодических конфликтов.

Но за три года беспощадной борьбы, при наличии денег, он не смог разложить вольных казаков, сгруппировавшихся вокруг Центр. Правления, а наоборот, сам остался чуть ли не в единственном числе, если не считать лиц, сотрудничающих у него за жалованье и фигурирующих на страницах „ВК“ в качестве главных сотрудников, как например, Ленивов, Чужинец, Куртин, Скубани, Ходькевич-Сабсай. Из них только один Ленивов казак и националист, все остальные — или русский, или украинец, или Бог его знает кто и откуда. Не могу не вспомнить, как ст. Куртин, приехав на Малый Круг, на втором заседании, вдруг об'явил, что он „югословен“, а потому не может принимать участия в решениях казачьих вопросов, что он „не может молиться сразу двум богам“ и отказался запечатлеться с нами (и Билым, конечно) на фотографии. Однако, оказывается, это его „югословенство“ не мешает ему сотрудничать в „ВК“, выступать в качестве биловского апологета. Молиться, видимо, двум богам нельзя, но гонорары — дело другое.

Даже Югославянский округ, который с самого начала поддерживал г. Билого, ныне распадается и его многолетние активные работники, убедившись в том, что вокруг Билого никогда нельзя об'единить Вольное Казачество, отошли от него и сотрудничают с Центр. Правлением, законно и свободно избранным вольноказ. органом.

И вот здесь получается неувязка: изменники вк. движения (Балыков и Балинов), ни на один день не отходя от Вольно-Казачьего движения, продолжают работать в таких тяжелых материальных условиях, о которых г. Билому и не снилось. Как ст. Балыков, так и Балинов предпочли вести полуголодное существование в рядах старых соратников и сотрудников журнала „Казакия“, чем быть на положении обеспеченных сотрудников при Билом. Где-же здесь логика? . . . Менять сытую жизнь, под крылом ред. Билого-на жизнь, полную забот и мыслей о завтрашнем дне! Логики здесь, как будто, нет, но зато есть другое — бескорыстная любовь к вк. движению, вера в казачью честь и решимость жертвовать всем ради идейных ценностей. Вот этого-то г. Билый не заметил в своих пасквилях, стараясь очернить в глазах казаков Балыкова и Балинова. Да, как же так не заметил, спросите вы, ведь это ясно, как божий день? Вот в том-то и беда, что для г. Билого это неясно и неубедительно.

Ему, привыкшему за приверженность к идее получать недурные деньги, совершенно непонятно, как это возможно, чтобы ст. Балыков и Балинов могли идею и принципы поставить выше заработков и как они могут годами бескорыстно даром работать.

Рассуждая всегда трезво (Билый, ведь, математик), для себя Билый подобную возможность исключил, а по себе судит и о других. Г. Билый коснулся и недоразумения с заметкой в журнале „Казакия“, взятой из „Последних Новостей“, в которой сообщалось о том, что ген. П. Х. Попов приветствовал добровольческое собрание. Как только выяснилось, что ген. Попов никого не уполномачивал приветствовать добровольцев от своего имени, редакция „Казакии“ поспешила, в следующем же номере, исправить ошибку. И этот поступок нашей редакции Билый называет . . . „пределом разнузданности и нечистоплотности г. Балинова и редакции“! . . . Вот такова всегда биловская правда. Он своих ошибок не исправляет, если бы он даже по ошибке оскорбил человека, то все равно будет продолжать и дальше свое.

Но если бы он вздумал изменить этому своему принципу, то мы могли бы ему посоветовать исправить самую большую его ошибку и избавить вольноказачье движение от своей персоны. С этим, я думаю, вольные казаки согласятся без сожаления, тем более, что материальное благополучие неудачного возглавителя вполне обеспечено на многие и многие годы.

Иван Безуглов

Дела и люди Биловского округа в Югославии

В номере 68-69 журнала „Казачество“ (№ 205 — 206 „ВК“) в статье: „Оппозиционерам“ Ник. Фед. Букин с его „окружным правлением“, защищая личность И. А. Билого, нашел нужным вспомнить и мое имя. Так как все написанное ими является публичным выступлением, то прошу редакию „Казакии“ напечатать в журнале нижеследующую мою информацию из жизни и деятельности биловских столпов здесь:

1 Югославянский Вольноказ. Округ, собственно говоря, почти не существует. После 4-го Окружн. С'езда из состава округа вышли и нынешнее окружное правление не признают:

а) Белградская Студенч. Станица,
б) Белградская Фроловская Станица.
в) Белоцерковская Станица,
г) Субботицкий хутор,
д) Новосадская Станица и
е) Люблянский Хутор.

Вдобавок к этому Смедеревская станица раскололась и в ней наблюдается отлив казаков в лагерь ушедших из округа, а Шабацкая и Скоплянская станицы, как таковые, фактически вообще не существуют.

Посему, заявление от имени „округа“ о всяческой поддержке Билого—следует считать только трескучей фразой. Югославянский округ уже далеко не то, что он представлял из себя до 4-го с'езда.

Оставшиеся в округе организации или ложно информированы или не информированы вообще о том, что произошло на 4-м Окр. с'езде, так как получаются уже письма из провинции с недоуменными запросами: „А почему же ушли из Округа все основоположники ВК движения в Югославии?“

Вообще же, среди вольных казаков в Югославии наблюдается сильное движение в ползу примирения двух враждующих между собой вольноказ. лагерей. Поэтому, выступление Букина с своей группой, направленное к углублению розни, нельзя иначе расценивать, как коронное расхождение с мнением и настроением большинства округа.

2. Между прочим, желая всячески обелить Билого и дискредитировать его врагов, Ник. Фед. Букин нашел возможным копаться в грязном белье отдельных казаков, вплоть до их частной переписки. Поэтому, любопытно будет взглянуть на самого Букина и его ближ. друзей с точки зрения морали. Многим казакам в Югославии известно следующее:

Н. Ф. Букин, издавая вместе с пок. Кундрюцковым журнал „Единство", получил от Гр. Сем. Козлова 150 динар на дело издания. В отчете же этих денег нигде не оказалось.

Вначале этого года в белградской больнице умер казак ВВД стан. Луковской Кондр. Яковл. Титов, быв. атаман вк. станицы в с. Чурупа. После его смерти на второй день (если не в первый же) Н. Ф. Букин, который часто навещал больного, на оставшиеся после покойного 400 динар, купил себе пальто (300 динар пальто, а 100 динар долг портному). А хоронить Титова было не на что. Тогда ст. Борисенко и Козлов принуждены были обратится в русскую Державную комиссию и та выдала необходимые деньги на похороны. Но об оставленных Титовым деньгах и операциях Букина казаки узнали. Тогда Букин принес 400 динар тогдашнему окружному атаману П. С. Полякову с заявлением, что какая-то дама, которая давно ему собиралась купить пальто (служащая где-то в больнице), узнав о происшедшем, подарила ему эти деньги и что он, Букин, отдает эти деньги в распоряжение окр. атамана. П. С. Поляков предложил Букину отнести эти деньги окр. казначею Н. М. Димитренко. Нам определенно известно, что до последнего времени эти 400 динар на приходе по округу, у теперешнего казначея, показаны не были. А пальто Букин, конечно, носит, но за место погребения покойного (120 динар за 10 лет) еще не заплачено и ни одной панихиды по нем не отслужено.

Не только мне, но и всем казакам и неказакам, окончившим Дон. кад. корпус, Н. Букин известен по своим „корнетским" замашкам — тасканием к начальству малышей — кадет за курение и употребление праща — и вообще всяческим выслуживанием. Эти качества не покидают его и поныне. Пока на этом о Букине закончу. Если он захочет поговорить более подробно, то я с удовольствием продолжу разговор фактами из этой области его жизни и . . . деятельности".

3. Теперешний глава оставшихся верными Букину казаков в Белграде, приехавший из Франции Аким Додура, когда-то представлявшийся мне, для чего-то, г-м Петренко, особенно яро выступавший на с'езде за кандидатуру Букина в окружные атаманы, знаменит здесь тем, что, живя, за неимением средств, у Г. С. Козлова, в прошлом году „взял" дорогое кольцо у югославянского офицера, у которого служила его супруга. Кольцо полицией было найдено в чемодане у А. Додуры, запрятанное . . . между номерами „Вольного Казачества".

4. У бывшего казначея Н. М. Димитренко тоже-произошло „несчастье": из шкафа, в котором хранилось 3000 его собств. денег и 500 динар Союза вольных казачек им. Галины Булавиной, какой-то вор-джентльмен унес как раз именно эти, общественные 500 динар, предупредительно не тронув частную собственность Димитренко! . . .

Благодаря подобной „плодотворной деятельности" Букина, Димитренко и редко трезвого Карнаухова, Югославянский округ развален. Уж не для того ли, чтобы иметь возможность не возвращать никому ничего из общих средств?

И эти люди пытаются говорить о чести и морали и думают, что могут делать хорошее дело! Избави нас, Боже, от этаких друзей.

Белград, 14. X. 1936.

(собств. корреспондент)

По содержанию статьи белградских биловцев.

Полемика имеет смысл и положительное значение лишь тогда, когда обе стороны одинаково нормально реагируют на истину. Но она совершенно бессмысленна там, где одна сторона сознательно закрывает глаза и затыкает уши на правду. Поэтому настоящий ответ пишу не столько для белградских биловцев, сколько для тех, кто может читать и верить их сочинению, напеч. в № 205-206 „ВК".

Настоящим к всеобщему сведению заявляю:

1. Никогда и нигде я не говорил, как и не писал, что у Б. нет виллы. Я не смог это написать даже под давленем самого Б., когда у него был секретарем, ближайшим работником и в нормальных отношениях. Не согласился этого написать даже покойный Стариков. В счет наших скромных содержаний, за наши полноценные труды, не входила наша совесть.

Мое мнение на тему о вилле, было изложено в том моем большом письме к ст. П. Мерзликину десятком строк выше того места, над которым белградские биловцы произвели легкомысленную операцию. А это же предложение (на минуту соглашаюсь с Мерзликиным) говорило о том, что „если и нет виллы, то при настоящем положении (т. е. когда Б, единолично и бесконтрольно расходует все средства ВК), он ее может купить. Я этим хотел сказать, что не то важно — какие ценности у Б. есть, а то важно, что существует ненормальный порядок, при котором этот жадный человек может вк. средства употреблять в свою личную пользу. Вот это мое условное и теоретическое минутное допущение биловцы превратили в категорическое утверждение... Так один старовер начетчик, в споре с православным священником доказывал, что по писанию св. апостолов все православные должны топиться. На одной странице он читал: „И пошед Иуда и утопися", а через несколько страниц, из середины строки, читал: „и ты тако". Белградские биловцы не далеко ушли от этого начетчика: из 5-ти страниц письма, без всякой связи с предыдущими и последующими строками, выбросив важнейшее вводное предложение, они „процитировали" одну, неполную строку и на этом построили свое утверждение.

2. Борьба с Б., как всем известно, началась в центре ВК еще зимою 1928 год. Также всем твердо известно, что с тех пор эта борьба все больше разросталась. но для биловцев борьбу начали „два калмыка". Я признаюсь, приятно польщен воздаянием мне такого значения, но ложь биловцев слишком очевидна.

Я лично вступил в борьбу с Билым в мае 1933 года, а уволил он меня, как помните, в ноябре того же года. Следовательно — не мое увольнение явилось причиной борьбы, а моя борьба повлекла за собою увольнение.

Что же касается вопроса о степени нашей роли, то тут мне хочется откровенно спросить биловцев: представляют ли они калмыков равноправными членами семьи народов Казакии или нет? . . Если-нет, то нужно об этом так и сказать, а если-да, то нужно перестать разводить демагогию на нашей национальной принадлежности. Если эти „два калмыка" играли видную роль в биловском центре, играют ее и в группе „Казакии", то, видимо, они достойны такой роли. Они не виноваты, что некоторые биловцы, при всем зуде честолюбия, не могут подняться выше глупеньких постановлений, постыдных передержек и угодничества интригану, узурпатору. Каждый человек занимает в обществе то положение, какое он заслуживает. Ложное положение никогда не бывает продолжительно.

3. Белградские биловцы попытались выставить в конфузном свете ст. Е. М. Перфильева, утверждая, что он сперва был у нас в качестве их шпиона, а потом, мол, перешел на нашу сторону. Если это было так, то лучшей аттестации для нас не может быть: человек пришел с враждебным намерением, но, увидя и приглядевшись, присоединился к нам! Это свидетельствует о нашей правоте, во-первых, а во-вторых о том, что ст. Перфильев-честный человек: он увидел у нас правду и честность и, преодолев свое предубеждение, присоединился к нам. И не один Перфильев к нам перешел. Подсчитайте хоть поверхностно — сколько было нас сперва и сколько теперь. И подумайте — почему это на вашу сторону

ни один от нас не перешел. Даже если кто и поссорится с нами и то остается у нас?.. А это, видите-ли, братцы, сила нашей правоты и чувства гадливости к вашему Б.

4. С полным пониманием ответственности заявляю вам: никакой демагогией, никакой травлей, никакими передержками вы не заставите теперь честных и порядочных людей подчиняться вашему Б. и работать с ним. С ним могут работать только те, кто сам склонен к таким-же деяниям, как и он. „Каков — поп, таковъ — и приход". Только жаль тех, кто все еще ошибается и несознательно грязнит себя прикосновением к спекуляции на идее и провокации.

С. Балыков

✝ Центральное Правление ВК-Казаков Националистов, Окружное Правление Чехослов. ВК Округа и Редакция журнала „Казакия" с глубоким прискорбием извещают о кончине своего глубокочтимого Почетного Председателя и коренного сотрудника Кубанского казака станицы Новодеревянковской профессора ФЕДОРА АНДРЕЕВИЧА ЩЕРБИНЫ последовавшей 29 окт. с. г. в городе Праге.

„Самостийные шайки"

В № 16 газеты с громким названием „Голос России" помещена статья г. Плавинского — „Самостийные шайки". Название это не ново: так называли и большевики казачьи отряды, сражавшиеся с ними под командой Кудиновых и других под'есаулов (штабс-капитанов) и подхорунжих, в то время, когда некоторые „доблестные" генералы где-то отсиживались, а ныне вот уж 18-й год „командуют" несуществующими „корпусами и дивизиями". Ведь играть в „солдатики" куда безопаснее, чем, например, поднимать восстание в тылу врага.

Так вот, когда эти „шайки", истекая кровью, защищали свои края от русских, то всевозможные Плавинские, (им же нет числа) либо сражались в рядах большевиков против казачества, либо скрывались в укромных местах, выжидая — чья возьмет, либо пробирались в казачьи самостойные государства и за спиною казаков пировали в ростовских и екатеринодарских ресторанах, поедая казачьи хлеб-соль.

Когда же эти „самостийные шайки" дерзнули заявить Болгарскому Правительству о своих казачьих организациях и просить выделить из р о с с и й с к о й акции часть, на равных основаниях с русскими, то господа Плавинские подняли крик: „Караул! самостийные шайки хотят русских ограбить!" . . .

Далее, в статье г. Плавинского говорится: „Помощь оказывается всем русским (вот именно только русским, а не российским. Ред.) эмигрантам на равных основаниях. Никому и в голову не приходило спрашивать кто ты такой — великоросс, казак, грузин и пр."

Так ли это г. Плавинский? . . .

Если бы это было так, то и казакам бы не пришло в голову ходатайствовать об отделении их части от „русской акции" для нужд казаков. В том то и дело, что средства, отпускаемые для всех, без различия народностей, российских эмигрантов в Болгарии, вы, господа Плавинские, превратили в предмет пользования только русской (великоросской) эмиграции, оттирая на задний план эмигрантов казаков, украинцев, калмыков и прочих.

Для того, чтобы убедиться в этой русской несправедливости, достаточно взять первые попавшиеся факты: В 1930 году умер казак Малий (самостойник), оставив вдову с тремя малолетними детьми. Вдова обратилась к г. Ладыженскому, временно замещавшему отсутствовавшего г. Фельдмана (В Лиге Наций русских представляет Рубинштейн, в Югославии — Штрандман, а в Болгарии — Фельдман — сплошной рус! Ред.) с посьбой принять в приют одного из ее детей. Этой вдове с тремя детьми было отказано „за неимением места", а в то же время, был принят ребанок четы, имевшей только двух детей, родители коих имеют прекрасный деликатессный магазин и являются людьми вполне обеспеченными!

На мой вопрос — „Как вам удалось поместить вашего ребенка в приют?" Мне ответили: „О, это довольно трудная вещь — нужно иметь хорошую протекцию! . . ."

В Бургасском общежитии инвалидов жил 70-тилетний старик инвалид Грицинов. Он имел несчастье быть избранным делегатом Бургасской станицей на 3-й окружной с'езд казаков-националистов в Софии. Вскоре после этого, старик Грицинов был выброшен из общежития, а на его место принят 49-летний, с меньшей потерей трудоспособности.

Само собою разумеется, что во всех подобных случаях умело подгоняется под какую-либо статью „закона". Ведь недаром новейшая русская мудрость гласит: „Был бы человек, а статья найдется". Но фактическая причина — всегда в таких случаях была и есть — только исповедание казаком национальной казачьей идеи.

Попытка г. Плавинского оправдывать несправедливые действия русских тем, что акция — русская, а самостийники, мол, отделились от русских, по меньшей мере, — наивна. Если даже самостийники и собираются отделяться от русских, то нельзя же честному человеку забывать того, что в общероссийскую сокровищницу не мало пота, крови и честного золота вложили казаки. Старую Россию строили, расширяли и и возвеличили не только одни русские, но и казаки. Так, что во всероссийской ценности и казаки имеют свою неот'емлимую долю по праву. А кроме того, в данном случае, речь идет не о средствах русских — российских, а о материальной помощи иностранного государства, о помощи братского славянского народа потомкам своих освободителей. Пусть не забывают г. г. Плавинские о том, что в освободительной войне немало пролито и казачьей крови. Если кому угодно убедиться в этом, тот пусть пойдет и посмотрит памятник в гор. Пловдиве павшим воинам при взятии этого города и прочтет названия казачьих полков и баттарей, участвовавших в этом бою.

Вообще, от ред. „Голоса России", как новых людей в политике, можно было ожидать и новых подходов к вещам, именно того, что всегда так нехватало русской общественности — простой справедливости и честности в вопросах межнациональных отношений быв. России. Но „горбатого могила исправит". Что Николай II, что Джугашвилли I, что Плавинские — все одно.

На крови, слезах и неправде была построена Россия, на них она и погибнет. И нужно ли этому печалиться?

Я. Лопух

Письмо членов хут. им. С. Разина в Райгороде

Нам, вольным казакам в Райгороде, интересно узнать, почему в Польше, наряду с существовашим Окружным Правлением, появилось новое окружное правление, одно из которых признает Центр. Правление ВК, а другое — г. Билого. Мы полагаем такое деление нашего единого лагеря — опасным. Потом, мы желали бы знать, почему г. Штовхань, созывая Окружной С'езд в Варшаве, не счел нужным пригласить представителей от многих старых вольноказ. организаций и не счел нужным сговориться, заранее, со старым Окр. Правлением во главе с Тулаевым и Еремеевым. Настоящим предлагаем г. Штовханю войти в сношение со старым Окр. Правлением и принять все меры, чтобы вк. в Польше были об'единены. Призываем наших братьев к служению идее и нашему делу, а не личности.

Хут. Атаман: Иван Попов.
Члены: И. Кочетов, Ник. Аксенов,
Зах. Бузулучков, Л. Титов, Сухов,
П. Ситников, Ф. Твердык.

Открытое письмо И. А. Билому

Многоуважаемый Игнат Архипович,

очень тронут Вашим вниманием, которым Вы удостоили меня на страницах Вашего журнала „ВК“ (№ 207) в статье: „Казачьим Националистам“. Признаться, я лично всегда был сдержан по отношению к Вам, избегая излишних обострений. Тем более, никогда я не трогал Ваших сторонников. братьев казаков, считая наши расхождения временными и вредными. Поэтому я и не хотел ввязываться в полемику, заниматься перебранкой.

Но т. к. мое спокойное и деловое отношение к происходящему, вокруг Вашего имени расколу нервирует Вас и Вы уже второй раз вспоминаете обо мне в своем журнале, то я кратко отвечу Вам только на некоторые места Вашего посвящения:

Ваша неприглядная попытка разрушить Болгарский округ казаков-националистов, кончилась для Вас полным поражением. На все Ваши постыдные проделки я отвечал молчанием и к этому же призывал и всех моих сотрудников. Но такое благородное поведение для Вас, видимо, неприемлимо.

В упомянутом номере, Ваши нападки на казачью массу крыла Ц. П. вы, вдруг, перенесли на меня лично. Неудивительно, что Вы, как профессионал школы Савинкова-Гнилорыбова, не зная за чтобы зацепиться и скомпрометтировать меня перед Казачеством, мишенью Вашего обстрела избрали мою малограмотность. Для демонстрации этого Вы почти целиком перепечатали мою скромную заметку.

Однако, перещупавши все буквы моей заметки, ничего особенного не найдя, произвольно истолковав некоторые фразы и остановившись перед „непонятыми“ Вами словами, Вы патетически восклицаете: „Как могло случиться, что всю национальную казачью интеллигенцию возглавляет просто бесграмотный человек?“

В этом, Игнат Архипович—и весь секрет. Видимо, казачья национальная интеллигенция искала не столько грамотея, сколько честного и порядочного человека, вокруг которого она могла бы об'единиться, спокойно доверить ему, не боясь за них, свои копейки и дружно работать. Если она вся отошла от Вас и выбрала меня, то, видимо, знала ЧТО она делает. Я не навязывался, избрание меня произошло после долгих поисков. Второй год уже идет после моего избрания и дело наше развиватся без всяких шероховатостей. Пожалуй, лучше спокойно работать наравне с другими и если человек заслуживает, то его выдвинет само общество. Это — извечная наша казачья традиция. От службы народу не бегу, но вперед не суюсь, от задачи никогда не отказываюсь. Вот в этом, наверное, весь секрет. Поверьте, если бы и Вы вошли в семью этой вольноказачьей ведущей интеллигенции под моим возглавлением, у нас не было бы никакого раскола и разложения. Впрочем, на Ваш недоуменный вопрос: почему каз. нац. интеллигенция, оставив Вас, инженера и об'единилась вокруг моего скромного имени, дадут ответ мои соратники, с которыми я, рука об руку, в полном согласии чувств, души и сердца—работаю.

Хочу только заметить один факт: в оны времена, когда казачьими землями управляли бесграмотные Атаманы, именами коих мы теперь гордимся, государственная независимость наша была крепка и жизнь Казачества была достойна зависти. Казачество стало терпеть неудачи и потеряло свою независимость именно с того времени, когда судьбою его стали распоряжаться такие, вроде Вас — грамотеи.

Этим я не хочу сказать, что Казачеству не нужна интеллигенция. Я хочу только сказать что малограмотность не мешает человеку быть честным и порядочным слугою своего народа, тогда как большая грамотность не избавляет, иных, от воровства и всяческой подлости. У нас, в станице, был один глубокий старик, который любил твердить: „Опашайтешь, шинки, УЧЕНЫХ жуликов!“. . .

Может кое-кто из казачьей национальной интеллигенции действовал по этому принципу?. . .

Наверно. . .

Павел Кудинов

Всеславянская оборона противобольшевизма в ЧСР.

28-го сентября, в памятную годовщину присяги Чешской дружины в Киеве и во Франции, в 1914 г. в день св. Вячеслава, патрона Чехии, в Праге состоялась Общегосударственная конференция сознательных противников большевизма, созванная редакционным кругом националистической газеты „Обрана Народа“. В этой газете сотрудничают и казаки националисты.

Предварительно предшествовало закрытое собрание, на котором были Д-р С. Федоров и инж. Б. Фесенко. Последний вошел в президиальную комиссию.

На конференции присутствовали представители со всех концов ЧСР, в большинстве абоненты упомянутой газеты и лица известные националистической бескомпромиссной деятельностью.

На конференции была образована надпартийная организация с упомянутым выше заглавием, избран 25-ти членный комитет, в состав которого вошел от казаков инж. Фесенко. Председателем избран редактор Вацлав Велинский, наш сотрудник. Вопросы СССР будут проходить через комиссию, в которой решающее значение имеем мы. По установлении отделов в Праге, работа будет перенесена на провинцию, главное в среду земледельцев. Оборона будет не только пропагандной и идеологической, но и практической.

Наилучшим показателем большевицкого беспокойства является сенсационное сообщение Пражской коммунистической газеты „Гало Новины“ от 3 X об этой конференции. В корреспонденции, с жирными загловками и подзаголовками, расчитанной на донос властям и внесение склоки в партии не-социалистические, говорится о связи организаторов с Железной гвардией в Румынии и организацией „Борьба“ в Югославии, делаются ложные сообщения о снабжении организации средствами из Германии, противоправительственными взглядами и т. д., а, также связи их, через представителя (намек на нас), с террористическими группами в СССР. Упомянуты фамилии таких участников конференции, как генерал русских легий Конопасек, капитан легий Червинка и т. д. На конференции Председатель, ред. Велинский особо приветствовал присуствующего представителя эмигрантов принципальных противников большевизма Д-ра Федорова, под рукоплескания членов, а потом ген. Конопаска (чеха).

На конференции были нами завязаны дальнейшие знакомства, которые уже принесли свою пользу в работе против большевизма и обещают, в дальнейшем, успешное сотрудничество с противниками СССР.

Через эти организации будет установлена связь и с иными, подобного рода, организациями в иных славянских государствах.

Празднование всеказачьего праздника в Берлине

14-го октября с. г. Общеказачья Национальная Станица в Берлине праздновала старый казачий национальный праздник Покрова Пресвятыя Богородицы. В 4 часа дня, станичники отправились в местную церковь и, по православному обычаю, помянули всех казаков и атаманов, павших на поле брани за Казачество.

По окончании церковной службы, казаки собрались для традиционной товарищеской трапезы. Перед началомъ общего обеда, станичный атаман, приветствуя собравшихся с праздником, напомнил казакам о том, что в этому году исполнилось 295 лет со времени знаменитого Азовского сиденья казаков и затем, обясняя значение для Казачества праздника Покрова, огласил следующее письмо-приветствие, полученное от казаков Рутовской ВК станицы.

13—10—36. Мы, казаки вольноказ. нац. Ст. в Руте, поздравляем Окружное Правление и вк Станицу в Берлине с нашим Войсковым Праздником Покрова Пресвятыя Богородицы. Дорогие станичники, вы восстанавливаете древнюю историческую традицию празднования старинного казачьего праздника.

8 авуста 1370 года донские-гребенские казаки, имея впереди образ Покрова Пресв. Богородицы, дрались на поле Куликовом и одержали победу над соперником на поле брани.

В канун Покрова Пресв. Богородицы 3000 донских казаков победоносно отбили яростный штурм 200,000 турецкой армии на крепость Азов.

Атаман Кондратий Булавин, поднимая свое историческое восстание, призывал казаков именем Пресвятой Богородицы. Почти все церкви казаков, как в Запорожьи, так и на Кубани, воздвигались во имя Пресв. Богородицы.

Со времени Азовского сиденья, повелось на Дону ежегодное торжество — празднование Покрова на Монастырском урочище, между Азовом и Старо-черкасском.

Всеми казаками почитаем и любим был наш национальный празднип Покрова. Так не забывайте, дорогие станичники, казаки всех Войск, своей родной и славной традиции. Да будет, во веки веков, этот день—праздником всех казаков, днем поминовения всех усопших наших братьев.

Мы желаем, дорогие станичники, чтобы вы подняли бокалы за наше многострадальное Казачество, за его лучшую долю и волю. Да здравствует славное Казачество, да здравствует Казакия! . . .

Зам. ст. Ат. А. И. Рощин
Пом. ст. ат. Н. Качалин
Ст. казн. Л. Погребняков

Чинно и торжественно проходило казачье праздненство. Бокалы за успехи казачьего национального дела, за здоровье всех вольных казаков, друг за друга, прерывались казачьими песнями и казачком, в котором каз. Калмыков и Ткаченков особенно отличились.

Постановление

собрания членов вольноказ. станицы им. Ат. Булавина:

Обсудив положение в Польском Вольноказачьем Округе, в связи с созданием г. Штовханем второго вк окружного правления, единогласно постановили:

1. Ввиду того, что в Польше существует вк. округ, организованный с'ездом от 22 апреля 1935 года в Белостоке, при участии представителей — ст. Островской, хутора в Райгороде, группы в Вильне и письменных присоединений к решениям с'езда--станицы в Беловеже, станицы в Милееве и, позже образовавшегося, хутора в Августове, — продолжать признавать и поддерживать нами же созданное Вр. Окружное Правление, впредь до полного об'единения всех вольноказ. организаций в один округ.

2. Всякую попытку — помимо существующего и избранного казаками Вр. Окружного Правления, создать новое правление без контакта и согласия старого правления — считать вредным явлением. Поэтому, новообразованое Окружное Правление, при организации коего не были привлечен к участию ряд старых вк. организаций, по нашему мнению, должно войти в соглашение со старым Вр. Окр. Правлением во главе с инж. Тулаевым и агр. Еремеевым.

Замест. ст. Ат. Кулыгин,
Ст. Писарь Д. Селиванов,
Ст. Контролер М. Савин.

Постановление

Окружного правления казаков-националистов в Болгарии

Окружное Правление, на своем заседании, состоявшемся 27-го октября 1936 года в 8 часов вечера в составе: Окруж. Атам. П. Н. Кудинова, членов прав. С. А. Косоротова, Ф. П. Зинченко, М. Г. Глазкова и почетного члена Я. И. Лопуха, обсудив вопрос о выступлении Секретаря Окружного Правления А. Лаврухина с явно провокационной и оскорбительной статьей на страницах журнала „ВК“ № 207-м, а также и решение сбора Софийской Национальной, имени Н. С. Рябовола, станицы от 25 октября с. г., постановило: решение сбора Софийской станицы одобрить и А. Лаврухина, отстранив от занимаемой должности Секретаря, исключить из Союза Казаков Националистов в Болгарии. О настоящем постановлении Окружного Правления уведомить Централное Правление К. Н.

27-го октября 1936 года
гр. София

Постановление подписали:
Окр. Атаман: П. Кудинов
Члены: С. Косоротов
М. Глазков
Ф. Зинченко
Я. Лопух

Выписка из протокола № 6 станичного сбора национальной казачей, имени Н. С. Рябовола, станицы в Софии

Станичный сбор, на заседании от 24 октября 1936 года обсудил вопрос о выступлении станичника А. Лаврухина со статьей в № 207 журнала „ВК“ и вынес следующее постановление:

§ 1. Ознакомившись с содержанием статьи ст. Лаврухина, признать ее всецело направленной к внесению смуты и разложения, в среду казаков-националистов Софийской станицы, посредством лжи и провокации.

§ 2. Оскорбления, нанесенные в печати ст. Лаврухиным Председателю Центр. Правления, всему Болгарскому округу и также станице националистов в Софии, признать абсолютно незаслуженными и все обвинения его клеветническими.

§ 3. Члена станицы А. Лаврухина, вынеся ему общественное казачье порицание за недостойное действие, исключить из состава Рябоволовской каз. нац. станицы в Софии.

§ 4. О настоящем решении сбора довести до сведения Болгарского Окружного Правления на предмет утверждения и, если оно найдет нужным, публикации на страницах печ. орг. ко всеобщему сведению.

Подлинный, протокол подписали:
Стан. Атаман Ф. Оболенский,
Помощник И. Юдин,
Писарь М. Глазков.
Казначей Г. Чекунов,

и члены станицы, участвовавшие на сборе: М. Фастунов, Е. Планидин, А. Черников, И. Алиференко, В. Коренов, Ф. Горбунков, Д. Мишкин. В. Николенко, М. Алювинов, Ф. Зинченко, В. Реденков, А. Манжиков, Н. Чуркин, И. Крапивин, Б. Андреев, А. Анисимов, М. Афанасьев, В. Чернышов, Г. Глазков, Я. Лопух, А. Худяков, А. Чигин, Н. Федосенков, П. Макаров, А Тюльтинов, И. Фролов, А. Абушинов, В. Боков.

К статье ст. А. В. Лаврухина

„Доколе же все это будет продолжаться“

Довожу до сведения всех станиц и хуторов, а также отдельных членов Союза Казаков-Националистов в Болгарии о том, что со дня III-го Окружного с'езда никакой ревизии дел и сумм Союза не назначалось и таковая не производилась.

Своевременно, контрольная комиссия Союза скажет свое слово и, в случае обнаружения непорядка в делах организации и злоупотреблений денежными суммами, привлечет все правление к ответственности не только перед Окружным с'ездом, но и перед державными властями.

Председатель ревизионной комиссии
Союза Казаков Националистов: Ф. Оболенский
Член рев. ком.: И. Евсиков

Поправка к истории.

В номере 3 (137) журнала „Вольная Кубань" была напечатана статья станичн. Я. Верещака под заглавием: „Горели, сгорели, но не сдались", в которой автор допустил ошибку исторического характера в части, касающейся роли казака — пластуна Сиволобова, при осаде турками крепости Баязета в 1877 году.

Станичн. Верещака пишет: „имя кубанца Сиволобова, прорвавшегося сквозь турецкие цепи и известившего своих о положении в Баязете, покрыто немеркнущей славой казачьей доблести", а перед этим подтверждает, что этот пример „отмечен не только кубанской, но и общей русской историей". Если этот пример отмечен в истории так, как передает ст. Верещака, то отмечен неправильно, так как действительность была такова:

Кубанец Сиволобов, сквозь турецкие цепи совсем не прорывался, а предотвратил сдачу Баязета тем, что застрелил командира запертого там отряда, армейского полковника, который вылез было на вал крепости с белым флагом, заявив что „если кто начнет стрелять по наступающим туркам, то он его собственноручно застрелит".

Казак Сиволобов, застрелив этого полковника, бросился на валы, увлек за собою казаков и солдат и отбил турецкий штурм. На этот раз, турки понесли такой большой урон, что оставили попытки взять крепость штурмом и осадили ее чтобы взять измором.

Положение отряда в крепости было отчаянное и убитый Сиволобовым командир хотел сдаться только потому, что высланные, перед тем, три пары лазутчиков попались в руки турок, которые каждый раз показывали осажденным их трупы.

После смерти полковника, была выслана из крепости четвертая пара лазутчиков — ст. урядник А. С. Еременко (ст. Уманской) и ст. урядник Малев (ст. Незамаевской) — которой и удалось перебраться через турецкое окружение, добраться до своих и привести русские войска на помощь осажденным.

Оба эти кубанца вернулись домой георгиевскими кавалерами всех 4-х степеней. Судьба Малева нам неизвестна. Что касается нашего деда, А. С. Еременко, то он, уже глубоким стариком, погиб от руки красных палачей в городе Екатеринодаре в 1922 году.

Григорий и Даниил Еременко.

Бегство от правдивого слова.

Чрезвычайно характерный случай произошел недавно в Париже на собрании, устроенном графом Граббе, по случаю казачьего праздника 18 октября в зале „Тысячи Колонн".

После речи самого графа, в которой он хвастнул, что ведет большую работу — в результате которой казаки смогут вернуться домой с оружием в руках—и уверял присутствующих в том, что они должны полюбить Казачество, выступил с речью один из видных гостей — рус. адмирал Кедров, который, между прочим, утешил аудиторию тем, что первыми адмиралами русского флота были казаки.

После речи Граббе и адмирала Кедрова, взял слово Атаман Парижской станицы А. Ф. Гайдуков, который сказал следующее:

„Русские умеют нас хвалить, когда имъ выгодно. Деникин нас бросил в Новороссийске, а здес, в эмиграции, русские нас обвиняют в том, что мы не победили большевиков и не вернули им старое положение. Вот тут, в Париже, русский беженский комитет выдал русским организациям денежную помощь в 450 тысяч франков, а казачьим организациям — нуль! . . . Не о России мы должны думать, а о нашемъ Казачестве!" закончил Гайдуков.

И вот тут-то и произошло: граф Граббе накинулся на ст. Гайдукова за оскорбление чувств русского гостя, а гость, не выдержав сказанную в глаза правду, бежал с праздника. Большая половина аудитории дружно апплодировала Гайдукову.

После этого, ни призывы ген. Черячукина, ни плохо налаженные песни не спасли положения. Скука воцарилась на собрании. А людей на атаманском празднике было человек всего 60. Это, в свою очередь, свидетельствует о малой популярности графа, как Дон. Атамана, в Париже, где собрание в 60 человек считается самым обычным небольшим собранием.

(соб. кор.)

Казачий праздник в Праге и речь Ат. Каледина.

Войсковой праздник в Праге в этом году, праздновали об'единенно почти все казачьи организации. Только младороссы и станица донцов, признающая Граббе атаманом, не приняли участия.

По окончании богослужения, епископ Сергий отслужил благодарственный молебен Покрову Пресвятой Богородицы, после которого освятил кресты на могилах умерших казаков. Вечером состоялась общая вечеринка. Открыл ее Председатель Донского Войскового Круга В. А. Харламов прочувственной казачьей речью, предоставив после себя слово Атаману Вольно — Казачьей станицы в Праге сотнику Н. Каледину, который от имени казаков — националистов сказал следующую речь:

„От имени казаков—националистов, вольноказачьих организаций в Праге, приветствую вас, дорогие станичницы и станичники и наши милые гости со днем празднования нашего старобылого Войскового Праздника. С большим удовлетворением видим мы, что на сегодняшнем торжестве сошлись почти все казачьи организации, кроме тех, кто еще слеп от блеска былой монархии и никак еще не может понять, что каз. жизнь движется совсем по иному руслу — самобытному казачьему, национальному. Верим, что настанет час, когда все вообще казачьи организации сойдутся воедино на общем деле освобождения нашей страдающей Родины Казачьей от общего врага и восстановления попранной им казачьей государственности. Вот почему, мы приветствуем об'единение казаков в каких угодно организациях, лишь бы казаки не оставались распыленными и не разделяли участи пыли никому не нужной, достойной лишь того, чтобы отряхнуть ее с него и отереть с лица. Радует нас, что заграничное казачество чувствует потребность хоть раз в году собраться вместе, чтобы вспомянуть старое былое, славное и в этот день об'единиться духовно с теми нашими страдальцами братьями, которым еще суждено терпеть под пятой у супостата. Мы верим и знаем, знаем из переданных нам слов казачьих с родных земель, что Казачество там живет с нами одними мыслями. Для нас, казаков—националистов, все казаки, где бы они ни были и как бы они ни мыслили, — братья родные, так как мы верим, что в час двенадцатый, который быстро приближается, сомкнут они с нами ряды свои в деле казачьего национального возрождения. В этот день, мы обращаем свой голос и к тем казакам, которые, потеряв душу и серце казачьи, думают, что все уже пропало. Двенадцатый час недалек. Европейские события показывают нам, что свет делится на два лагеря — на

национальный и коммунистический и для нас, казаков, нет никаких колебаний в том, что наше место с теми, кто непримирим к врагам нашей родины — оккупантам ее. Об ужасах красной власти, на нашей родине говорить излишне: вы все их знаете. Но для тех, кто может поколебаться при новых советских оборотах лицом к Казачеству, заявляем, что эта власть, одновременно с похвалами, десятками и сотнями продолжает расстреливать настоящих казаков... Примирения с этой властью нет и пощады ей быть не может! Кровью казачьею полита наша земля!... Щепотки ее, принесенные с родных берегов Дона, Кубани и Терека, мы кладем перед вами и призываем вас поклониться ей, нашей милой, родной земле казачьей и поклясться на ней, что за дело нашего казачьего освобождения, мы готовы положить свои животы и достигнуть победной оплаты за кровь наших братье—вмучеников и борцов за казачью государственность, павших в неравной борьбе в РСФСР в 1917-20 годы. Мы клянемся восстановить нашу казачью самобытность в об'единенной казачьей государственности и добиться осуществления национально—казачьих идеалов. Слава Казачеству! Слава Казакии!"

Казаки националисты украсили помещение большими шелковыми Войсковыми флагами, на которых под степным ковылем прикрепили прозрачные мешечки с родной землей, недавно привезенной с берега Дона, Кубани и Терека, которой все казаки имели возможность поклониться.

Молодой казаченок Владимир Котеняткин продекламировал стихотворение Ф. Крюкова „Родимый Край", а дочь атамана Каледина — стихи Николая Келина из журнала „Казакия". Затем были исполнены музыкально — вокальные номера программы, мелодекламации, выслушаны речи представителей других каз. организаций.

Общеказачий праздник в Праге прошел удачно. Казачество веселилось, пело, танцевало до поздней ночи. Войсковые гимны и песни пел хор Общеказачьей станицы под управлением ст. Упорникова.

Кожний раз на цім місті

Младороссы, под фирмой „Казачьего центра младоросской партии", праздновали, вместо казачьего праздника Покрова, день св. Алексея. Войсковой каз. праздник в день Покрова они, оказывается, не признают. Народу пришло немало, да казаков—то раз-два и обчелся. Помещение заполняли больше „молодые" россы. Некоторые из казаков говорили, что они пошли туда только потому, что им хотелось посмотреть на то, с какими глазами Сидорин и Чапчиков, после своего недавнего советооборончества, станут опять младороссничать... И, представьте, как будто ничего и не случалось. Ген. Сидорин, открывая свою оборонческую акцию, об'явил тогда о том, что „Казачьего Центра младороссов отныне не существует, а существует новый Казачий Центра" во главе с ним, на этом празднике об'явили что старый центр жив!... Хемелеоны безболезненно перелиняли и окрасились в подходящий по моменту цвет. Из былого советофильства, казаки заметили только то, что Твердый и Чапчиков „ругнули" акулу международного фашизма Троцкого и троцкистов, не трогая Сталина — Ворошилова.

Сперва все шло у них гладко. Помещение было разукрашено казачьими лозунгами. Словно засыпая пеплом свое недавнее скандальное советофильство, Чапчиков и Твердый держали такие казачьи речи, что тебе самостийники! — хотя на самостийников, пришедших посмотреть эволюционистов, глядели „басом".

Но дело сорвал глава местных молодых россов, некорректно упомянувший про казачьих самостийников и... у младороссов пошло по старому: полетели пивные стаканы стулья, завизжали бабы, затрещали сорочки и галстухи, дамские кофточки, густо повис в воздухе родной русский мат. Все затрещало, бурно завозилось и запахло Русью!...

Младоросское побоище, как обычно, кончилось только при вмешательстве полиции... Выгадали ли младороссы, что к ним обратно вернулись, „пообороняв" СССР, исключенные ими Чапчиков, Сидорин, Чернавин и Твердый? — Едвали ли. Без них у младороссов как то дела шли глаже. Уж не с заданиями ли их пустил обратно тот, кто давал им возможность выпускать „Оборону России?" (сб. кр.)

— Казаки — националисты в Праге устроили 10 октября празднование всеказачьего войскового праздника Св. Покрова. Была отслужена панихида по павшим 295 лет тому назад под стенами Азова. А в воскресенье, 11 октября, состоялся доклад атамана Пражской ВК станицы сотн. Каледина на тему: „Осада Азова, по турецким источникам". Доклад был составлен по материалам чл. ЦП Д-ра полк. С. А. Федорова. В День Покрова было богослужение в Николаевском соборе.

— Вольными казаками в Праге организован цикл публичных докладов на темы культурно-информационного характера. 4 октября был доклад инж. Б. В. Фесенко на тему: „Белоруссия, как союзник Казакии в освободительной борьбе". Следующий доклад будет сделан А. С. Медяником на тему: „Исторические судьбы Белоруссии". Третий доклад сделает член „ХТТ" Х. Амарханов на тему: „Борьба Белоруссии за самостоятельность в гг. 1917-35".

— Полк. Др. С. А. Федоров (зав. внеш. отд. ЦП). приурочивая к 10-тилетию чтения цикла лекций „Казачья Нация" в Украинской Господарской Академии в Подебрадах, сделает доклад на тему: „Казачий национализм".

— Сотр. „Казакии" инж. В. Г. Глазков прочтет доклад на тему: „Опыт организации легионов заграницей применительно к перспективам казачьей эмиграции". В докладе будет сделан критический разбор организации легионов чехословацких, польских и сербских.

— В связи с предстоящим, в 1937 году 300-тлетием взятия Донскими и Запорожскими казаками Азова, которые этим подвигом удивили тогда весь мир, казаки-националисты взяли инициативу всеказачьего празднования этого события совместно с потомками Запорожцев — Украинцами, предполагая использовать прессу не только казачью и украинскую, но и иностранную.

— В большом галицийском еженедельнике „Украинский Бескид", издающемся в Перемышле (Польша) помещены статьи инж. Борисенко: в номере 35-м—„Наш шлях", в 36-м—„Совместными стремлениями к общей цели", которые информируют читателей о Казачьем национальном движении и отношении к Украинскому освобод. движению. Новое доказательство того, как ширится наша пропаганда в дружественной прессе.

— В № 3—м „Светогласа" — органа „Союза иностр. публицистов и писателей в Болгарии" напечатана большая статья, в целую стр., нашего Зав. внеш. отд. Полк. Дра С. А. Федорова под заглавием: „Судьба великого болгарского воина на Казачьей Земле. Речь идет о знаменитом генерале Радко-Димитриеве, который вместе с родными братьями Д-ра Федорова (Георгием и Григорием), сидел в Пятигорской тюрьме, а потом был, там же расстрелян.

— 14 октября, в день Всеказачьего Праздника Покрова, Общество Ревн. Каз-ва, совместно с Лигой Возрождения Каз-ва отслужило панихиду по казакам, павшим под стенами Азова. Панихида привлекла множество посетителей.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на литературно-исторический и информационный журнал

КАЗАКИЯ — КОЗАКІЯ

Условия подписки	на 6 мес.:	на год.	отдельн. номера
Во Франции	12 фр.	24 фр.	2 фр.
В Чехословакии	30 к. ч.	50 к. ч.	5 к. ч.
В Болгарии	60 лева	120 лева	10 лева
В Румынии	80 лей	160 лей	12 лей
В Польше	8 зл.	15 зл.	1 зл.
В Германии	3 р. м.	5 р. м.	50 пф.
В Сев. Америке и др. странах.	1·50 долл.	3 долл.	0·20 долл.

2020146824